

СЕРИЯ «НЕКРОНОМИКА» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**МЕРТВЕЦЫ РАБОТАЮТ
БЕЗ ВЫХОДНЫХ**
НЕКРОНОМИКА

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

Некрономика: Мертвецы работают без выходных

<https://litres.ru/74508792>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артем Скворцов, ведущий кризис-менеджер и аудитор с десятилетним стажем, погибает от переработок над квартальным отчетом и переносится в мир Системы. Большинство попаданцев мечтают о клинках и фаерболах, но Артем получает редчайший управленческий класс [Архитектор Некрономики].

Его озаряет гениальная мысль: скелетам не нужны зарплаты, больничные, перерывы на обед и профсоюзы. Нежить идеальна для оптимизации производственных цепочек!

Начав с полуразрушенного заброшенного рудника и трех призванных скелетов, Артем превращает некромантию в высокорентабельную корпорацию. Скелеты-шахтеры добывают адамантий с точностью швейцарских часов, зомби-носильщики обеспечивают круглосуточную логистику, а костяные костяки охраняют границы от завистливых лордов.

Пока пафосные герои бегают по подземельям за грошовым лутом, Артем создает капиталистический рай на костях. Бизнес есть бизнес, даже после смерти!

Содержание

Глава 1. Глава 1	5
Глава 2. Глава 2	25
Глава 3. Глава 3	40
Глава 4. Глава 4	62
Глава 5. Глава 5	87
Глава 6. Глава 6	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Нейтон Патчер
Некрономика: Мертвецы
работают без выходных
НЕЙТОН ПАТЧЕР

НЕКРОНОМИКА:

МЕРТВЕЦЫ РАБОТАЮТ БЕЗ ВЫХОДНЫХ

Серия «Некрономика» • Книга 1

Глава 1. Глава 1

Шурф номер четыре пах сыростью, слежавшейся вековой пылью и тем особенным, кисловатым духом разлагающегося колчедана, от которого у любого нормального живого забойщика уже через четверть часа начинало свербеть в бронхах.

Нормальный живой забойщик в таких условиях потребовал бы тройной оклад, кружку разбавленного спирта перед спуском в клеть, обязательную вентиляционную трубу диаметром не меньше полуаршина и заверенную гильдейским нотариусом страховку от внезапного обрушения кровли.

Скелетам было плевать.

Дзынь.

Тук.

Хрясь.

Три звука сливались в монотонную, математически выверенную полифонию, не сбивавшуюся вот уже четырнадцать часов подряд. Ни единой паузы на перекур. Ни единого матерного вздоха в адрес прораба, десятника или матери-сырой-земли. Ни одной забившейся пылью ноздри — по той элементарной причине, что ноздрей у работников не водилось ввиду полного отсутствия мягких тканей черепной коробки.

Артём Скворцов сидел на вывороченном из породы замшелом валуне, метрах в пяти от забоя, подложив под задни-

цу сложенную вчетверо дерюгу, и методично чистил короткое яблоко перочинным ножиком. Свет закреплённого на деревянной крепи шахтёрского кристалла давал ровный, мертво-бирюзовый отблеск, ложившийся на белесые лопатки троих его единственных, но оттого не менее любимых сотрудников.

— Угол удара, Номер Два, — не поднимая взгляда от яблочной кожуры, буднично произнес Артём. — Ты снова валяешь остриё влево на три градуса. У тебя плечевой сустав в левой ключице люфтит, я же вижу. Энергия удара гасится о пустую породу, а отдача уходит в шейные позвонки. Нам не нужны микротрещины в атланте. Запасных шейных сочленений у меня на складе ровно ноль целых, хрен десятых.

Скелет, на чьём выскобленном ветрами и временем черепае краской из толчёной золы и древесного клея было выведено аккуратное «02», замер ровно на одну десятую секунды. Затем тусклый зеленоватый огонёк в его левой глазнице едва заметно мигнул, принимая директиву хозяина, костяная рука скорректировала хват шершавого берёзового топорщища, и кирка с глухим чавканьем врубилась в кварцевую прожилку ровно под углом в сорок два градуса к плоскости пласта.

Кусок серой породы размером с добрый свиной окорок с сухим треском отвалился и рухнул в насыпную кучу.

— Вот. Можешь ведь, когда не симулируешь отсутствие мыслительной деятельности, — одобрительно хмыкнул Скворцов, отправив дольку яблока в рот.

Перед его глазами, повинувшись привычному мысленному импульсу, развернулось полупрозрачное полотно системного интерфейса. В отличие от большинства магов-некромантов этого чертова мира, чьи системные вкладки пестрели багровыми черепами, рунами тлена, счётчиками поглощённых душ и пафосными эпитетами вроде «Повелитель Костяных Орд» или «Вестник Погибели», интерфейс Артёма больше всего напоминал рабочий стол главного бухгалтера металлургического комбината образца тяжёлого кризисного года.

Таблицы. Сводные ведомости. Анализ затрат на единицу продукции. Графики амортизации.

〔СИСТЕМНЫЙ РЕЕСТР АКТИВОВ И ОПЕРАЦИОННЫХ РАСХОДОВ〕

Подраздел: Горнодобывающий сектор. Участок: «Шурф №4 (Заброшенный)».

Штатное расписание: 3 единицы низшей нежити (Класс: Скелет копающий, модифицированный).

Текущая производительность участка: 0.18 куб. м породы / час на единицу.

Суммарная выработка за смену (14 ч): 7.56 куб. м рудосланца.

Содержание сопутствующего олова: 4.2%. Медного колчедана: 1.8%.

Инциденты за отчётный период: 0.

Травматизм: 0% (летальность неприменима).

Артём промотал окно вниз, туда, где сияла его персональная гордость. Графа, ради которой он положил три месяца на вылизывание формул подъёма мертвецов и адаптацию классической некромантии под законы базовой политэкономии.

〔ОПЕРАЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ (ОРЕХ)〕`

`1. Фонд оплаты труда (ФОТ): 0.00 медных монет.`

`2. Социальные отчисления, пенсионные накопления, больничные листы: 0.00 медных монет.`

`3. Продовольственное довольствие: 0.00 медных монет.`

`4. Расход воздуха/вентиляция: 0.00 куб. м/ч.`

`5. Освещение рабочих мест: 0.00 (нежить ориентируется по эхолокации и фону магических эманаций).`

`6. Затраты маны на поддержание призыва: 0.08 МР / мин за единицу.`

ИТОГО совокупный расход маны на троих: 0.24 МР / мин (14.4 МР / час).`

Скворцов скосил глаза на полоску собственного запаса сил.

〔Текущий резерв маны: 182 / 210〕`

〔Пассивная регенерация маны (в покое, рацион: яблоко + вода): 0.35 МР / мин〕`

〔ЧИСТЫЙ БАЛАНС МАНЫ: +0.11 МР / мин (Профицит энергобаланса)〕`

— Святые угодники капитализма, — негромко, почти благоговейно выдохнул Артём, потирая гладко выбритый подбородок. — Он положителен. Он, мать его за ногу, абсо-

лютно положителен.

Это было прекрасно. Это было величественно, как восход солнца над промышленным районом.

Классическая теория магии этого мира утверждала, что некромантия суть греховное, патологически затратное и нестабильное искусство. Любой выпускник Королевской Академии Высокого Волшебства в столице с пеной у рта доказывал бы, что поднятие мертвеца требует огромных единовременных затрат духовного праха, постоянной концентрации воли, а главное — мертвецы стремятся вырваться из-под контроля, убить хозяина и сжевать его тёплую селезёнку. В академических трактатах черным по пергаменту писалось: «Низшая костяная нежить неуправляема в тонких ремёслах, склонна к бессмысленному разрушению и пригодна лишь для устрашения черни в составе ударного авангарда».

«Потому что вы дебилы, господа профессора», — мысленно резюмировал Артём в сотый раз за этот месяц.

Они пытались заставить скелета воевать. А скелет для войны приспособлен плохо. У скелета нет мышечной массы для парирования тяжелого клинка, сухожилия не пружинят, а центр тяжести смещён из-за отсутствия внутренних органов. В бою скелет разваливается от хорошего пинка кованым сапогом или удара дубиной. Но главное — на войне скелет расходует ресурс хаотично, рывками, требуя от мага постоянных инъекций чистой сырой силы для компенсации повреждений.

В забое же всё обстояло иначе.

Забой требовал не героизма. Забой требовал ритма.

Артём встал, отряхнул пыль со штангин из плотной пары-сины и подошел к Скелету Номер Один. Тот методично отгребал широкой деревянной лопатой с железной оковкой колотую породу в сторону деревянной вагонетки. Лопата входила в кучу щебня с сухим скрежетом, скелет плавно разворачивал таз, делал шаг левой берцовой костью, переносил вес и сбрасывал камень в кузов.

Движение было выверено до миллиметра. Артём потратил две недели, лично накладывая координационные плетения на предплечья и коленные суставы. Он переписал стандартное заклинание «Оживление останков: Базовое», вырезав к чертовой матери блок псевдосознания, отвечающий за жажду плоти живых. Зачем забойщику жажда плоти? Жажда плоти — это деструктивный фактор, отвлекающий персонал от выполнения планового задания. Вместо этого Скворцов закольцевал управляющий контур на три простейших триггера: «Порода твёрдая — бей киркой», «Порода расколота — грузи лопатой», «Вагонетка полная — замри и жди тары». — Номер Один, замри, — скомандовал Артём.

Скелет замер с поднятой лопатой на середине дуги. Глазницы тускло флуоресцировали. Никаких вибраций, никакого учащённого дыхания. Если живой грузчик после четырнадцати часов работы валился с ног, отхаркивая чёрную жижу и требуя прибавки за вредность, то Номер Один выгля-

дел ровно так же, как в шесть утра — сухо, функционально и абсолютно индифферентно к бренности бытия.

Артём наклонился и придирчиво осмотрел локтевой сустав.

Между плечевой и локтевой костями виднелась тончайшая пленка серовато-зеленого маслянистого свечения. Это был изобретенный им «Некро-лубрикант» — тонкий слой эктоплазматического уплотнения, предотвращавший истирание суставных головок при трении кости о кость. Обычные некроманты пренебрегали смазкой, из-за чего их костяные слуги через трое суток непрерывной ходьбы начинали сыпать костяной мукой из коленей и разваливались на части.

`[Диагностика юнита: Работник №01]`

`Состояние костного каркаса: 94%`

`Износ плечевого сустава: 1.2%`

`Износ межпозвоночных прокладок: 0.8%`

`Энергетическая целостность каркаса: Стабильна.`

`Остаточный ресурс до регламентного обслуживания: 118 часов непрерывного труда.`

`Необходимые материалы для ТО: 15 граммов мела, 5 капель вытяжки могильного мха, 2 минуты времени оператора.`

— Девяносто четыре процента, — удовлетворённо пробормотал Скворцов. — Пятнадцать граммов мела на сотню часов выработки. Мел в лавке старьёвщика стоит полмедяка за пуд. Себестоимость амортизации основных средств стре-

мится к статистической погрешности.

Он похлопал скелета по голому, пыльному темени. Номер Один никак не отреагировал, лишь челюсть слегка кляцнула от механического сотрясения.

— Работай дальше.

Скелет плавно завершил бросок щебня в вагонетку и снова вогнал лопату в породу.

Артём вернулся к своему валуну, достал из кармана потертый кожаный блокнот — дублировать систему на бумаге было старой привычкой, въевшейся в кровь ещё в прошлой жизни, задолго до того, как его угораздило попасть под самосвал и очнуться в теле шестнадцатилетнего недоучки-бастарда на задворках провинциального баронства Веймар.

В прошлой жизни Артём руководил отделом оптимизации затрат в крупном горнорудном холдинге на Урале. Он знал всё о коэффициентах вскрыши, износе шарошечных долот, стоимости дизельного топлива на тонно-километр и о том, какими изощренными способами работяги на разрезе умудряются сливать солярку из карьерных самосвалов.

Здесь, в мире меча, магии и феодального идиотизма, горное дело находилось на уровне раннего средневековья, помноженного на чудовищную неэффективность.

Местные дворяне считали, что для добычи руды нужно просто согнать побольше крепостных крестьян в дыру в горе, дать им ржавые кайла и пороть плетью тех, кто не выполняет норму. Результат был предсказуем: крестьяне мерли

от обвалов, дизентерии и удушья сотнями, руды выдавали с гулькин нос, половина металла разворовывалась на этапе транспортировки, а оставшаяся едва покрывала расходы на содержание надсмотрщиков и похоронные процессии.

Когда Артём полгода назад выкупил за бесценок концессию на этот брошенный шурф — старую шахту «Сумеречный кряж», закрытую сорок лет назад из-за высокой концентрации ядовитых газов и частых затоплений, — местный бургомистр откровенно ржал ему в лицо. Кусок бесплодной скалы в предгорьях, где даже крысы дохли от метана! Отдать за него тридцать серебряных монет мог только сумасшедший молокосос, выброшенный из благородного дома за непотребные увлечения некромантией.

Бургомистр не понимал одного.

Метан страшен тем, кто дышит. Вода страшна тем, кто тонет.

Для бригады из трех скелетов пятидесятипроцентная концентрация метана в забое была не более чем атмосферным фактором, снижающим коррозию железных наконечников кирок из-за дефицита свободного кислорода.

Бум!

Звук удара Номера Три прозвучал иначе. Не сухой треск раскалываемого камня, а глубокий, гулкий резонанс, прокатившийся по узкому своду шурфа и отозвавшийся легкой вибрацией под подошвами сапог Скворцова.

Артём мгновенно подобрался. Кирка перочинного ножи-

ка захлопнулась, яблочный огрызок полетел в темный угол.
— Стоп бригада, — негромко бросил он.

Все трое застыли одновременно, словно марионетки, чьи нити перехватил кукловод. В наступившей звенящей тишине было слышно только размеренное падение капель грунтовой воды где-то в глубине восточного штрека: *кап... кап... кап...*

Артём подошел к Номеру Три. Этот скелет был самым массивным в тройке — каркас бывшего кузнеца, судя по ширине плечевого пояса и плотности кости, которого Скворцов нашел на старом заброшенном чумном могильнике в двух лигах отсюда. На костях не было ни следа порчи, только глубокий минеральный осадок, сделавший скелет темно-серым, почти гранитным на ощупь.

Острие тяжелой двенадцатифунтовой кирки Номера Три застряло в трещине на стыке кварцевого монолита и темной, подозрительно рыхлой породы, отливавшей в бирюзовом свете кристалла тусклым индиго.

— Ого, — протянул Артём, приседая на корточки и доставая из кармана медное шило и лупу с подсветкой на крошечном кристалле света. — А вот это уже не плановый сланец.

Он осторожно поскреб породу вокруг лезвия кирки. Серые чешуйки осыпались, обнажая плотную, слоистую структуру с характерными радиальными включениями, напоминавшими тонкие иглы инея.

Система отозвалась мгновенно, выдав мерцающее окно идентификации:

‘[ОБНАРУЖЕНИЕ РЕСУРСА]’

‘Объект: Глубинная жила кобальтового халькозина с примесью звездного свинца.’

‘Качество пласта: Высокое (рудная концентрация до 14%).’

‘Ориентировочный объём линзы: 45-60 метрических тонн.’

‘Рыночная стоимость неочищенной руды: 1 серебряная монета за 10 фунтов.’

‘Магическая проводимость: Средняя (востребовано в гильдиях артефакторов).’

Артём медленно поднялся, прикидывая цифры в уме.

Шестьдесят тонн. При четырнадцати процентах концентрации — это больше восьми тонн чистого кобальта и почти две тонны свинцово-звездного сплава. В пересчете на имперскую монету...

— Шестьсот сорок золотых талеров по оптовой цене гильдии алхимиков, — прошептал он в темноту забоя. — Чистыми. За вычетом доставки и взятки таможенному инспектору на тракте.

Шестьсот сорок золотых для захолустного баронства были бюджетом среднего города за два квартала. На эти деньги можно было купить роту наемников, каменный замок с тремя деревнями крепостных или... или полностью переобору-

довать весь нижний ярус шахты, доведя численность костяного контингента до трех сотен рабочих единиц.

Внезапно из трещины, прямо из-под острия застрявшей кирки Номера Три, раздалось мерзкое, влажное чавканье.

Порода вспучилась. Куски камня брызнули в стороны, и из разлома с яростным шипением вывалилось нечто, напоминавшее помесь перерощенной мокрицы с пещерным пауком. Тварь была размером с хорошего кабана, покрыта сегментированным бурым панцирем, с которого капала желтоватая едкая слизь, а из головного щитка торчали четыре зубренных жвала, судорожно скрежещущих в поисках живой плоти.

«[ВНИМАНИЕ! АКТИВНАЯ УГРОЗА]»

«Существо: Глубинный камнеед-секач (Ранг: D, Уровень: 14).»

«Статус: Агрессивен, защищает гнездовую нишу.»

«Особенности: Кислотная слюна (разрушение органики), высокая прочность хитина.»

Любой живой рудокоп на месте Артёма уже летел бы по штреку к выходу, истошно вопя и теряя портки от ужаса, потому что камнеед-секач 14-го уровня перекусывал взрослого человека пополам вместе с кожаным нагрудником быстрее, чем тот успевал вспомнить молитву Пресветлому Создателю.

Секач взревел — низким, утробным звуком, от которого со свода посыпалась каменная крошка, — и метнулся прямо

к ближайшему двуногому.

Ближайшим двуногим оказался Скелет Номер Три.

Тварь вонзила передние жвала туда, где у живого существа находилось бы бедро, намереваясь вырвать кусок мяса и отравить жертву некротическим ядом.

КЛАЦ!

Жвала с противным скрежетом соскользнули по бедренной кости бывшего кузнеца, покрытой слоем минеральных солей. Кислотная слюна яростно зашипела, но кость, лишенная нервных окончаний, сосудов и живой протоплазмы, отнеслась к агрессивной химии с олимпийским спокойствием.

У скелета не было болевых рецепторов. У него не подкосились колени от болевого шока. Уровень кортизола в его несуществующей крови не подскочил, парализуя волю.

Скелет Номер Три даже не покачнулся.

В его программе значилось: «Если рабочий инструмент застрял — примени рычаг. Если объект мешает выполнению задачи — устрани препятствие».

`[Юнит №03: Обнаружено препятствие технологическому процессу]`

`Классификация: Препятствие динамическое, углеродной природы.`

`Принятое решение: Механическая утилизация подручным инвентарем.`

Номер Три плавно, с той же машинной неотвратимостью, с какой он четырнадцать часов долбил гранит, перехватил

рукоять кирки обеими руками. Его костяные пальцы, скрепленные чарами повышенного давления, сжались на березе с силой гидравлического пресса.

Рывок. Острие выдернулось из трещины в скале.

Секач, осознав, что добыча не пахнет кровью, не визжит и вообще на вкус как известняковая крошка, попытался сдать назад и развернуть брюшной сегмент для плевок кислотой.

Слишком медленно.

Двенадцатифунтовая кованая кирка из закаленного железа взмыла вверх и с размаху опустилась ровно в стык между головным щитком и первым сегментом панциря монстра.

ХРЯСЬ!

Хитин треснул, брызнув мутной жижей. Секач забился, скребя лапами по полу забоя, но Скелет Номер Три не стал тратить время на победные вопли или оценку нанесенного урона.

Дзынь.

Второй удар пришелся точно в нервный узел под теменным гребнем.

Хрусь.

Третий удар превратил переднюю часть твари в аккуратную смесь из хитиновых обломков и гемолимфы.

Вся схватка заняла ровно 6.8 секунды.

Номер Три постоял две секунды, дожидаясь, пока жвала твари окончательно перестанут судорожно подергиваться, затем методично вытер лезвие кирки о бок поверженного

камнееда, повернулся к забою, примерился и с глухим стуком снова вогнал железо в кобальтовую жилу.

Тук.

Дзынь.

Сзади уже подходил Скелет Номер Один. Лопата скрежетнула по полу, поддевая заднюю лапу мертвого секача. Без малейших эмоций Номер Один взвалил тушу сорокакилограммового монстра в вагонетку поверх рудного сланца.

Система выдала каскад сообщений:

`[Угроза устранена]`

`Уничтожен: Глубинный камнеед-секач (Уровень 14).`

`Получено опыта: 120 единиц (распределено: Артём Скворцов — 120 XP).`

`Потери среди личного состава: 0.`

`Урон оборудованию: 0.4% поверхностного химического ожога левой берцовой кости Юнита №03.`

`Побочный доход: Панцирь глубинного камнееда (пригоден для дубления защитной экипировки) — 1 ед.`

`Желчный пузырь секача (алхимический реагент) — 1 ед.`

`Мясо глубинного камнееда — Не рекомендуется к употреблению (высокая токсичность).`

Артём стоял, скрестив руки на груди, и тихо посмеивался.

— Производственная травма, говорите? Опасные условия труда? — обратился он в пустоту темного тоннеля. — Да вы посмотрите на этих парней. Ни капли жалости к себе, абсолютное следование технике безопасности и полная ликви-

дация внештатной ситуации без остановки конвейера более чем на семь секунд!

Он подошел к вагонетке, заглянул внутрь. Панцирь секача был неплох — прочный, гибкий. Если сдать кожевеннику в городе, можно выручить серебряный, а то и полтора. Кислотный мешок тоже пойдет в дело — растворять пустую породу при проходке вентиляционных сбоек.

Безотходное производство. Абсолютная, кристаллическая утилитарность.

Скворцов вернулся к своему импровизированному рабочему месту, сел на валун и снова развернул гроссбух. Перо с чернилами скользнуло по бумаге, фиксируя изменения в балансе:

«14-й день второго месяца весны.

Шурф №4. Вскрыта жила кобальтового халькозина с выходом на глубинный горизонт.

Ликвидирован вредитель забоя (1 шт.). Дополнительная капитализация сырья: +1.5 серебряных монет.

Расход маны на нейтрализацию угрозы: 0 МР (уничтожение произведено силами штатного инструмента).

Вывод: темпы проходки удовлетворительные. Требуется расширение штата до 12 единиц для организации непрерывной откатки породы на поверхность».

Артём отложил перо и задумчиво посмотрел на пламя кристалла.

Двенадцать единиц.

Чтобы поднять еще девять скелетов, ему понадобится сырье. В приличных некромантских трактатах рекомендовалось грабить кладбища знати или искать поля былых сражений, где кости пропитаны яростью и кровью.

«Романтики хреновы, — поморщился Артём. — Эстеты от чернокнижия».

Грабить дворянские склепы — это гарантированный конфликт с инквизицией, городской стражей и местной гильдией охотников за головами. Риск колоссальный, издержки на маскировку огромные, а выхлоп сомнителен: дворянские кости зачастую рыхлые от подагры, сифилиса и праздного образа жизни.

Зачем рисковать головой, если на скотобойне за западными воротами города мясники ежедневно выбрасывают центнеры бычьих и лошадиных костей?

Конечно, оживить скелет быка сложнее с точки зрения топологии мана-каналов — четвероногая схема требует другого распределения векторов тяги. Но скелет тягловой лошади, не требующий овса, воды и отдыха, способен тащить за собой трехтонный состав с рудой прямо по деревянным лежням на поверхность круглые сутки. Без усталости. Без риска запалить коня на крутом подъеме.

А если нужны гуманоидные рабочие руки... Что ж, городское кладбище бедноты, где хоронят неопознанных бродяг и погибших от чахотки батраков, никем не охраняется. Достаточно заплатить смотрителю три медных гроша в месяц,

чтобы тот «не замечал», как из дальнего угла погоста исчезают безымянные останки, которые всё равно через год перекопали бы под новые захоронения.

Социальная ответственность бизнеса, как она есть. Рециклинг человеческих ресурсов. Вторая жизнь для тех, кто при первой не видел ничего, кроме нищеты и голода. Здесь, в шурфе Скворцова, они наконец-то приносили реальную, исчисляемую пользу экономике, не страдая от холода и несправедливости мироустройства.

— Номер Два, — позвал Артём.

Скелет замер, опустив кирку.

— Подойди.

Костяк послушно прошагал по щебню, остановившись ровно в полуметре от колен хозяина. Зеленый огонек в левой глазнице мерцал ровно, без признаков аномальной активности.

Артём достал из поясного подсумка плоскую баночку с густой темно-зеленой мазью — тот самый раствор вытяжки могильного мха на бараньем сале с добавлением толченого мела. Зачерпнув пальцем изрядную порцию пахучей субстанции, он ловко втер ее в сочленение левой ключицы и лопатки скелета.

Мазь зашипела, вступая в реакцию с остаточным некротическим полем. Мел мгновенно втянулся в микротрещины кости, заполняя дефекты прочной карбонатной структурой, а мох восстановил изолирующий слой магии, гасящий виб-

рации.

`[Техническое обслуживание завершено]`

`Юнит: №02`

`Состояние каркаса восстановлено до: 99.4%`

`Затраты материалов: 0.02 медной монеты.`

`Время простоя: 48 секунд.`

— Свободен. В забой, — хлопнул его по ребрам Артём.

— Норма сама себя не выдаст.

Скелет развернулся на пятках с четкостью кремлевского курсанта и потрусил обратно к стенке забоя. Через три секунды тишину шурфа снова разорвал ритмичный звон железа о камень.

Дзынь.

Тук.

Хрясь.

Скворцов сладко потянулся, хрустнув затекшей спиной.

Пора было подниматься на поверхность. Нужно было переговорить со старьевщиком насчет оптовой партии старых лопат, заглянуть к смотрителю погоста с мешочком дешевого табака и навестить кузнеца — заказать еще шесть добротных кирок с утяжеленным обухом.

А завтра... завтра начнется настоящая работа. Завтра они начнут вскрывать кобальтовую линзу.

Артём закинул за спину холщовый мешок с образцами руды, снял с крюка запасной масляный фонарь и бросил последний взгляд на работающую тройку.

В бирюзовом полумраке заброшенной шахты мерно двигались белые костяные спины. Падала порода. Наполнялась вагонетка.

Здесь не было трагедии смерти. Здесь не было скорби тлена.

Здесь рождалась новая эра — эра абсолютной рентабельности, где мертвые строили будущее живых, не требуя взамен ничего, кроме капли дешевого мела и пятнадцати граммов маны в час.

И Артём Скворцов был абсолютно уверен: эта бизнес-модель завоюет мир. Либо мир просто обанкротится, пытаясь с ней конкурировать.

Глава 2. Глава 2

В шурфе номер семь стояла тишина, какой никогда не бывает в шахтах, где работают живые люди.

Обычный рудник — это всегда симфония надрывного человеческого страдания. Это непрекращающийся, глухой кашель забитых кремнеземной пылью легких; это хриплые проклятия десятников, вонь дешевого табачного самокрута, кислый пот десятков немых тел и тяжелое, зловонное дыхание тягловых пони, сгнивающих заживо в вечной сырости штолен. В забоях живых постоянно что-то скрипит, осыпается, кто-то скулит от придавленного пальца, кто-то громко поминает Пресветлых Богов, требуя прибавки за работу в обводненном горизонте, а где-то в вентиляционном тупике тлеет сальная свеча, безжалостно сжигая драгоценный кислород и угрожая вспышкой рудничного газа.

Здесь же царил абсолютный, кристально чистый производственный порядок.

Никакого углекислого газа. Никаких жалоб на сквозняки, ревматизм или невыплаченные суточные. Воздух на глубине сорока метров под заброшенными холмами мертвого урочища был ледяным, неподвижным и пах только старым влажным камнем, окислами железа и едва уловимым, сухим озоновым холодком некротической магии.

Артём Скворцов сидел на перевернутом деревянном ящи-

ке из-под отсыревших динамитных шашек, оставленных прежними владельцами концессии еще лет тридцать назад. На его коленях лежал толстый гроссбух в переплете из промасленной телячьей кожи — «Главная книга учета неживых активов и материальных потоков». За правым ухом торчал заточенный графитовый карандаш, а на груди покачивался круглый латунный медальон геодезического компаса, совмещенный с алхимическим термометром.

Единственным источником света в шурфе служил закрепленный на чугунной распорке фонарь. Но не коптящая керосинка и не пожароопасная карбидная лампа, а герметичный стеклянный цилиндр, наполненный биолюминесцентным гелем из глубоководных пещерных водорослей. Холодный, бирюзово-изумрудный свет ложился на влажные своды выработки, выхватывая из темноты три белые фигуры, работающие у забоя с неумолимостью часового механизма.

Перед глазами Артёма мягко пульсировал полупрозрачный лазурный интерфейс Системы.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ:
НЕКРОНОМИКА (v. 2.14)

Оператор: Скворцов Артём Игоревич
Статус: Производственный некромант (Лицензия Вольного Старателя: Нет)
Уровень: 4 (Опыт: 3 420 / 5 000)

‣ || Резерв маны: 58 / 75 (Текущая регенерация: +2.1 ед./час) || ‣
‣ || Активный лимит контроля: 3 / 3 рабочих единицы || ‣
‣ || Текущий расход на удержание контура: 0.45 ед. маны/час на юнит || ‣
‣ || Суммарный расход маны: 1.35 ед./час || ‣
‣ || Чистый баланс маны: +0.75 ед./час (Профицит) || ‣

Артём тихо хмыкнул, поправив рукав плотной брезентовой куртки.

Профицит. Самое сладкое слово во вселенной, будь то советский металлургический комбинат, транснациональная корпорация на Земле или забытый богами рудник в этом средневековом магическом захолустье.

Пока классические маги этого мира гордо рассуждали о величии стихий, швырялись друг в друга огненными шарами стоимостью в полугодовой бюджет деревни или возводили воздушные замки, нормальные экономисты смотрели в корень. А пока темные культисты резали девственниц на алтарях, призывая гниющих зомби ради сомнительного удовольствия устроить кровавую баню в соседнем трактире — Артём Скворцов занимался оптимизацией операционных расходов.

Зомби? Чушь собачья. Мягкие ткани разлагаются, требуют консервирующих бальзамов на дорогом трупном масле, воняют на три версты, разносят заразу, а главное — их мы-

шечные волокна под нагрузкой рвутся и теряют эластичность уже на вторые сутки интенсивной работы. Зомби — это чудовищная, антинаучная черная дыра для бюджета.

Скелеты — вот венец инженерной мысли. Безупречный рычажный механизм. Карбонатно-фосфатный композит, обладающий невероятным запасом прочности на сжатие. Нет нервной системы — значит, нет мышечной усталости, молочной кислоты и падения производительности к концу восьмого часа смены. Нет глаз — не нужно тратить деньги на освещение забоя; примитивное эхо-локационное плетение низшего некролиза позволяет им ориентироваться в абсолютной тьме по вибрациям породы.

Артём перелистнул страницу гроссбуха, пробежавшись взглядом по сводной таблице сравнительной эффективности.

	Параметр	Артель забойщиков	Тройка юнитов	
	(3 живых шахтера)	(Скворцов Индастриз)		
	Длина рабочей смены	8 часов	24 часа	
монет	Оплата труда (сутки)	36 медных монет	0 медных монет	
	Пак / Питание	12 медных монет	0 медных монет	
	Освещение и вентиляция	6 медных монет	0 медных монет	

Потери на перекуры/обед	28%	времени смены
Риск забастовки / бунта	Высокий	0%
Страховка за увечья	50 серебряных монет	0.02 меди (ремонт)
Себестоимость выемки 1 куб. м породы:		
• Живой труд:	16.4 медных монет	
• Некро-механический труд:	0.82 медных монет	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ:	+1 900%	

— Классика, — прошептал Артём, постукивая карандашом по бумаге. — Чистый закон конкурентного вытеснения. Если бы гильдейские старшины из Горного Братства увидели эти цифры, они бы сожгли меня на костре быстрее, чем Святая Инквизиция. Инквизиция хотя бы беспокоится о спасении души, а вот монополист, теряющий двухтысячепроцентную маржу, пойдет на любые военные преступления.

Он перевел взгляд на забой.

Там, в бледном мареве люминесцентного геля, трудилось его маленькое, но гордое предприятие.

Юнит №01 — крупный, широколобый скелет, сложенный из массивных костей плотного строения. При жизни этот каркас явно принадлежал кузнечному молотобойцу или грузчику речного порта. Артём выкупил его останки у сторожа муниципального лепрозория под видом «материала для

анатомических штудий заезжего лекаря» всего за один серебряный и двадцать медяков. Каркас пришлось доработать: межпозвонковые диски, истлевшие за десятилетия, Скворцов заменил прокладками из вываренной дубленой кожи, пропитанной пчелиным воском, а локтевые суставы стянул медными скобами для компенсации бокового люфта.

Сейчас Номер Первый работал тяжелым четырехкилограммовым кайлом с удлиненной дубовой рукоятью.

Удар.

Острие из закаленного железа врубалось в расслоенный сланцевый пласт ровно под углом сорок пять градусов. Не сорок четыре, не сорок семь. Ровно сорок пять. Артём лично откалибровал угол атаки через подпрограмму `[Кинематический контур: Направленный скол]`.

Удар.

Порода трескалась по естественной линии напластования.

Удар.

Глыба серого диорита весом в четверть центнера с глухим грохотом отваливалась от монолита и падала на каменный пол.

Юнит №03 — скелет сухощавого, даже хрупкого телосложения (по всем признакам — бывший конторский писарь или ткач) — тут же подступал к осыпи. Кирка ему не полагалась: тонкие лучевые кости не выдержали бы динамических ударов о кварц. Зато для погрузочно-разгрузочных работ он подходил идеально. В руках Номера Третьего была широкая

железная лопата с подрезанным краем.

Шурх. Звонкий скребок по граниту. Порода подхвачена. Скелет делает выверенный полуоборот на левой пятке — идеальная экономия траектории, ноль лишних миллиметров движения — и ссыпает обломки в узкую деревянную вагонетку, стоящую на деревянных же направляющих полозьях.

Ни секунды промедления. Ни одного лишнего вздоха. Если бы на месте Третьего стоял живой рабочий, он бы уже трижды оперся на черенок, сплюнул, почесал затылок, высморгался и пожаловался на ломоту в пояснице.

Костям плевать на поясницу. У них нет спинномозговых нервов. Пока в позвоночном канале течет тонкая бирюзовая струйка управляющей маны, каркас будет двигаться с точностью часового анкера швейцарских часов.

А вот с Юнитом №02 все обстояло значительно интереснее. И сложнее.

Номер Второй был средним звеном производственной цепочки. Он выполнял самую тонкую, филигранную работу — оконтуривание жил и подсечку забоя узким зубилом и легким двухкилограммовым обушком. Если Первый просто крошил породу начерно, а Третий убирал за ним мусор, то Второй шел по границе кварцевой жилы, обнажая драгоценную минерализацию.

Скворцов поднялся с ящика, подошел к работающей тройке и присел на корточки рядом со Вторым.

Запах... В шахте появился специфический запах. Тонкий,

чуть сладковатый, отдающий жженым чесноком и мышьяком.

Артём поднес люминесцентный фонарь вплотную к свежему сколу породы.

Серая, зернистая масса диорита сменилась густой, темно-серой полосой с отчетливым металлическим блеском и розовато-малиновыми налетами по краям. В свете фонаря эти налеты вспыхивали глубоким, бархатистым оттенком спелой вишни.

Эритрин. «Кобальтовые цветы». Вернейший признак кобальтиновой жилы.

Сердце Артёма екнуло и забилось чуть быстрее — в строгом соответствии с законами физиологии, которые его неживым подчиненным были чужды.

— Вот она, родимая... — прошептал он, бережно проведя подушечкой пальца по бархатистому налету. — Нащупали.

Прежние хозяева шахты — бездарные старатели из гильдии «Красный Молот» — бросили эту штольню сорок лет назад, решив, что жила истощилась. Они искали медь. Обычный медный колчедан, халькопирит, который шел на отливку дешевых котлов, наконечников стрел и медной монеты. Когда содержание меди упало ниже двух процентов на тонну породы, добыча при зарплатах живых шахтеров перестала окупать даже свечи и крепежный лес. Они ушли, проклиная это место.

Но они были геологическими идиотами. Они не знали,

что медный пласт здесь был лишь вторичным чехлом. Под ним, скрытая полуметровой прослойкой твердейшего роговика, залегала линза скуттерудита и кобальтина.

Кобальт.

В этом мире его называли «синим серебром» или «ведьминым камнем». Алхимики платили за фунт очищенного кобальтового концентрата до четырех полновесных серебряных талеров — он был незаменим при создании стабилизаторов для зелий маны высшего круга и при варке ультрамариновой глазури для магического фарфора. А для гильдии оружейников кобальт являлся стратегическим сырьем: лигатура из кобальта и тигельной стали давала клинкам ту самую матовую синеву и невероятную упругость, которая позволяла рубить доспехи рыцарей, как промасленную бересту.

Для живой артели пробивать роговик ради тонких линз кобальта было экономическим самоубийством: слишком твердая порода, инструмент тупится за полчаса, расход пороха колоссальный, а выход товарной руды неравномерен.

Но для нежити...

Для нежити твердость породы означала лишь одно: нужно чуть чаще править инструмент и следить за состоянием суставов.

Артём достал из нагрудного кармана латунный щуп и лупу ювелира. Он активировал вторичный навык своего некроинтерфейса.

‘[Активирован навык: Дефектоскопия тлена (Уровень 2)]’

[Режим: Акустико-структурный анализ объекта]

Его зрение на секунду затуманилось, мир потерял цвет, окрасившись в монохромные оттенки графита, сквозь которые проступили силовые линии напряжений. Внутри костей скелета Юнита №02 побежали тонкие зеленые нити мана-потоков.

Анатомически скелет был собран великолепно, но физику никто не отменял.

Когда железное кайло бьет по породе твердостью в семь единиц по шкале Мооса, кинетическая энергия не исчезает бесследно. Закон сохранения энергии работает даже в мире, где есть драконы. Часть импульса уходит на разрушение кристаллической решетки кварца, но добрая треть волны отдачи идет обратно — по стальному черенку, через кости запястья, предплечья, в плечевой сустав и далее в позвоночник.

У живого человека эту отдачу гасят эластичные мышцы, связки, сухожилия и суставные сумки с синовиальной жидкостью. У скелета мышц нет. Вся нагрузка ложится непосредственно на сухие, лишённые влаги минеральные структуры кости.

Если использовать грубую некромантию, поднимая косяк простым вливанием сырой темной маны, эта вибрация за пару суток разбивает суставы в костную муку. Кость истирается, появляется люфт, геометрия удара плывет, производительность падает на 70%, а затем каркас просто рассыпается на куски под собственным весом. Именно поэтому ту-

пые культисты считают скелетов «одноразовым пушечным мясом».

Варвары. Дикари, не читавшие учебников по теоретической механике и сопротивлению материалов.

В поле зрения Артёма, прямо на сочленении левой лопатки и ключицы Номера Второго, вспыхнула тревожная желтая пульсация.

`[Внимание: Локальная перегрузка несущего узла]`

`Юнит: №02`

`Узел: Акромиально-ключичное сочленение (левое)`

`Интегральная целостность: 92.1% (Снижение на 7.9% за последние 4 часа работы)`

`Амплитуда микровибрации: 0.14 мм (Превышение нормы на 22%)`

`Диагноз: Истончение буферного слоя, риск возникновения усталостной трещины в шейке лопатки.`

— Так-так-так... — пробормотал Скворцов, прищурившись. — Стоп машина.

Он послал короткий мысленный импульс через контур управления.

`[Команда: Прекратить воздействие. Стазис-позиция]`

Юнит №02 замер мгновенно. Его рука с занесенным молотком остановилась в воздухе в трех сантиметрах от каменной стены забоя, словно наткнувшись на невидимый стеклянный барьер. Никакой инерции, никаких лишних движений. Абсолютное послушание.

Артём встал вплотную к скелету и отвел масляный фонарь чуть в сторону, чтобы свет падал под косым углом. Так микрорельеф читался лучше всего.

На гладкой, желтовато-белой поверхности кости, прямо у основания суставной впадины, действительно наметилась едва различимая невооруженным глазом паутинка. Тончайшая серая линия, не толще человеческого волоса. Микротрещина.

Она возникла не сегодня. Возможно, этот человек еще при жизни ломал ключицу — упал с телеги или получил дубиной в кабацкой драке. Старый костный мозоль был менее плотным, чем исходная ткань, и под воздействием вибраций от тяжелого забоя начал деградировать. Если оставить все как есть, через два-три часа непрерывной долбежки роговика лопатка расколется надвое.

А замена лопатки — это простой. Это поиск донорского материала нужного размера (попробуй найди на сельском погосте левую лопатку крепкого мужчины без следов артроза), это повторная подгонка связок, это калибровка балансировки... В общем, прямые убытки в размере минимум четырех серебряных монет с учетом упущенной выгоды от простоя забоя.

Профилактика. Основа советской школы технического обслуживания и ремонта. Планово-предупредительный ремонт всегда обходится на два порядка дешевле, чем аварийное восстановление.

Артём присел на одно колено и открыл свой верный рабочий саквояж.

Внутри ровными рядами стояли деревянные пеналы с инструментом: тонкие костяные сверла, медная проволока разного сечения, шелковые нити, вымоченные в спиртовом экстракте полыни (лучший изолятор для удержания некротических жгутов), напильники с алмазным напылением и целый арсенал алхимических баночек.

Здесь не было ядов или праха черных кошек. Здесь лежали реактивы мастера-ремонтника.

Он аккуратно прощупал сочленение пальцами. Кость была холодной и сухой, как старый мел на школьной доске. Магическое поле, поддерживающее целостность каркаса, в районе трещины слегка искривлялось, фонило мелким синеватым треском — мана буквально «вытекала» сквозь микродефект, создавая турбулентность. Именно эта турбулентность и порождала лишнее трение.

Любая вибрация в механике — это паразит. Вибрация жрет полезную мощность, расшатывает крепеж и разрушает материал. В некромеханике вибрация еще и рассеивает структурированную ману оператора в окружающее пространство.

Иными словами, через эту крошечную трещинку Скворцов ежеминутно терял около 0.005 единицы маны. За месяц набегало на полноценное заклинание третьего круга! Чистое безобразие и бесхозяйственность. Ситуация требовала

немедленной локализации, пока вибрация следующего удара не привела к фатальному расколу кости.

Артём достал из поясного подсумка плоскую баночку с густой темно-зеленой мазью — тот самый раствор вытяжки могильного мха на бараньем сале с добавлением толченого мела. Зачерпнув пальцем изрядную порцию пахучей субстанции, он ловко втер ее в сочленение левой ключицы и лопатки скелета.

Мазь зашипела, вступая в реакцию с остаточным некротическим полем. Мел мгновенно втянулся в микротрещины кости, заполняя дефекты прочной карбонатной структурой, а мох восстановил изолирующий слой магии, гасящий вибрации.

`[Техническое обслуживание завершено]`

`Юнит: №02`

`Состояние каркаса восстановлено до: 99.4%`

`Затраты материалов: 0.02 медной монеты.`

`Время простоя: 48 секунд.`

— Свободен. В забой, — хлопнул его по ребрам Артём.
— Норма сама себя не выдаст.

Скелет развернулся на пятках с четкостью кремлевского курсанта и потрусил обратно к стенке забоя. Через три секунды тишину шурфа снова разорвал ритмичный звон железа о камень.

Дзынь.

Тук.

Хрясь.

Скворцов сладко потянулся, хрустнув затекшей спиной.

Пора было подниматься на поверхность. Нужно было переговорить со старьевщиком насчет оптовой партии старых лопат, заглянуть к смотрителю погоста с мешочком дешевого табака и навестить кузнеца — заказать еще шесть добротных кирок с утяжеленным обухом.

А завтра... завтра начнется настоящая работа. Завтра они начнут вскрывать кобальтовую линзу.

Артём закинул за спину холщовый мешок с образцами руды, снял с крюка запасной масляный фонарь и бросил последний взгляд на работающую тройку.

В бирюзовом полумраке заброшенной шахты мерно двигались белые костяные спины. Падала порода. Наполнялась вагонетка.

Здесь не было трагедии смерти. Здесь не было скорби тлена.

Здесь рождалась новая эра — эра абсолютной рентабельности, где мертвые строили будущее живых, не требуя взамен ничего, кроме капли дешевого мела и пятнадцати граммов маны в час.

И Артём Скворцов был абсолютно уверен: эта бизнес-модель завоюет мир. Либо мир просто обанкротится, пытаясь с ней конкурировать.

Глава 3. Глава 3

Подъем на сорок метров по вертикальной клетке заброшенного вентиляционного шурфа был тем еще фитнесом. Особенно когда у тебя за плечами болтается холщовый мешок с тридцатью килограммами отборных образцов кобальтовой обманки и полевого шпата, а деревянные перекладины лестницы сгнили еще в эпоху правления предыдущего эрцгерцога.

Артём перехватил влажную, склизкую от плесени скобу, подтянулся на одних руках и с глухим кряхтением вывалился наружу — прямо в заросли перезревшей крапивы и колючего чертополоха.

— Триста сорок калорий коту под хвост, — пробормотал он, перекаtywаясь на спину и жадно глотая сырой, пахнущий прелой листвой и угольным чадом воздух. — Надо будет озадачить Юнита Ноль Три. Пусть сколотит из крепежного кругляка нормальный противовесный ворот. Время — деньги, а одышка живого менеджера — это недопустимые операционные потери.

Над головой раскинулось мутно-серое предвечернее небо, затянутое свинцовыми тучами предгорий Клыкастого хребта. Где-то вдалеке, за полосой чахлого ольшаника, надрывно выл сигнальный гудок центральной шахты барона фон Штольца, извещая об окончании второй смены. Смена дли-

лась четырнадцать часов. Люди шли оттуда черные от пыли, харкая кровью и серым песком, с разбитыми суставами и тупым, скотским оцепенением в глазах. Им нужно было платить. Их нужно было кормить кашей на прогорклом сале. Им требовался сон, перекуры, лазарет и хотя бы минимальная компенсация родственникам, если в забое случался банальный обвал кровли.

Какая чудовищная, дремучая, антинаучная трата ресурсов.

Артём сел, отряхнул глину со штанин из грубой саржи и привычным мысленным усилием развернул перед глазами полупрозрачный системный интерфейс.

`[Интерфейс Управления: Некрономика v.2.4]`

`Пользователь: Артём Скворцов`

`Класс: Некроинженер-рационализатор (Ранг: Подмастерье, ур. 14)`

`Текущий резерв маны: 84 / 240 ед.`

`Естественная регенерация: +3.8 ед./час (штраф за усталость и обезвоживание: -15%)`

`Контролируемая рабочая сеть: 3 активных юнита`

`— Юнит №01 (Каркас: Базовый гуманоидный, костная ткань укреплена, износ 2.1%) — Добыча`

`— Юнит №02 (Каркас: Базовый гуманоидный, мел+мох, износ 0.6%) — Добыча`

`— Юнит №03 (Каркас: Базовый гуманоидный, усиленный плечевой пояс, износ 1.4%) — Откатка / Сортировка`

Текущий совокупный расход маны на удержание связующего контура: 0.45 ед./мин`

Автономия рабочей группы на остаточном пуле: 3 часа 06 минут`

«Маловато, — поморщился Скворцов, прикидывая в уме кривую энергопотребления. — Если не залить в контур накопитель, к полуночи они просто встанут в забое со спущенными челюстями, как сломанные манекены. Ладно, до полуночи успею провернуть весь логистический круг».

Он поднялся, закинул лямки мешка на плечи, подтянул широкий кожаный пояс с алхимическими подсумками и двинулся по едва заметной тропе вниз по склону, туда, где раскинулся шахтерский поселок Нижний Шурф — грязная, чадающая язва на теле горной долины.

Лавка старьевщика Бальдра ютилась на самом отшибе поселка, аккурат между зловонной дубильней и канавой, куда мясники сбрасывали отходы после утреннего забоя свиней. Место было идеальным: ни городская стража, ни напыщенные жрецы местного культа Пламенного Сердца сюда носа не совали из чисто брезгливых соображений.

Дверь, обитая ржавой жестью, скрипнула так пронзительно, что у любого нормального человека свело бы челюсти. Внутри пахло сушеной рыбой, мышиным пометом и вековой окислившейся медью.

Из-за горы треснувших колес и дырявых котлов вынырну-

ла сухопарая фигура самого хозяина. Бальдр был крив на левый глаз, носил засаленный кожаный фартук и обладал поразительной способностью чутая звонкую монету сквозь три слоя холщовой дерюги.

— А, мастер Скворцов, — осклабился старик, обнажив два ряда мелких коричневых зубов. — Никак опять за хламом пожаловали? У меня как раз прибыла телега из усадьбы покойного сквайра... Есть подсвечник бронзовый, чуток погнут, но если почистить...

— Подсвечники оставь местным романтикам, Бальдр, — Артём сбросил мешок на колченогий табурет. Пол жалобно скрипнул. — Мне нужны лопаты. Совковые и штыковые. С треснувшими полотнами, с расколотыми проушинами, без черенков. Всё, что твои крестьяне выбросили на свалку, решив, что металлу пришел конец.

Старьевщик подозрительно прищурил уцелевший глаз:

— И на кой ляд тебе железо, которое даже кузнец на гвозди перековывать побрезгует? Оно же усталое, мастер. Ткнешь в щебень — по шву и лопнет.

— Это мои проблемы, Бальдр. Мои технологические издержки. Сколько у тебя есть?

— Штук пятнадцать наберется на заднем дворе. По полторы медяшки за штуку отдам. Металл нынче дорог, барон весь чугун на клети гребет...

— По полторы? — Артём холодно усмехнулся, шагнув ближе. — За плотно, истонченное ржавчиной до состояния

пергамента? За инструмент, у которого шейка держится на честном слове и слове засохшей грязи? Бальдр, я беру оптом. Восемь медных монет за всю кучу, включая обломки двух грабель, которые у тебя гниют под навесом с позапрошлой осени. И ты сам погрузишь это в мой брезентовый мешок.

`[Навык «Жесткий прагматизм / Торг» активирован]`

`Цель оценивает альтернативные издержки...`

`Шанс сбыта неликвидного фонда третьим лицам: 3.2%`

`Психологическое давление: Успешно.`

Старик нервно дернул жидкой бороденкой, сплюнул под ноги и махнул сухонькой рукой:

— Девять. Девять медяков, господин некро... гм, мастер Скворцов. И я добавлю три обломанных кайла без топорщиц. Лежат мертвым грузом, только место в сарае занимают.

— По рукам, — Артём отсчитал девять потертых медяков, выложив их столбиком на верстак. Звякнули монеты — сухой, деловой звук, ласкающий уши любого эффективного управленца. — Мешок заберу через два часа. Если хоть одна лопата исчезнет — я вернусь, и мы пересчитаем баланс с учетом штрафных санкций. Ты меня знаешь.

— Знаю, чтоб тебя демоны разорвали, — буркнул старьевщик, сгребая медь костлявой ладонью. — Хуже любого мытаря торгуешься. У тех хоть совесть есть, их запугать можно карой небесной...

— Совесть в балансовом отчете проходит по графе «Непредвиденные убытки», Бальдр. Запомни это и спи спо-

койно.

Следующим пунктом логистического маршрута значился местный погост.

Старое кладбище Нижнего Шурфа располагалось в сырой низине за пологой насыпью брошенной узкоколейки. Земля здесь была тяжелой, глинистой, насыщенной грунтовыми водами — идеальная среда для естественной консервации костных структур и отвратительная для сельского хозяйства. Именно поэтому городские власти щедро отдали этот пустырь под захоронения бедноты, бродяг и погибших на рудниках поденщиков.

За покосившимся частоколом, над которым клубился сизый вечерний туман, тускло мерцало желтое пятно окна в сторожке смотрителя.

Артём толкнул незапертую калитку. Знакомый запах: прелая листва, мокрая земля, холодный жирный известняк и едва уловимая, сладковатая нотка тлена. Для обывателя — повод для суеверного ужаса и чтения молитв во славу Солнцеликого. Для сертифицированного некроинженера — благородный аромат свежего, бесплатного и экологически чистого сырья, не требующего уплаты подоходного налога.

На пороге сторожки стоял дед Харитон — существо неопределенного возраста, сотканное из войлока старого тулупа, табачного перегара и вечной подозрительности. В руке старик сжимал укороченную совковую лопату с полирован-

ным от частого употребления черенком — главное орудие производства и аргумент в спорах с незваными гостями.

— Опять шастаешь, богоотступник? — сипло проскрипел Харитон, даже не пытаясь поднять лопату. Голос его, впрочем, звучал без особой злобы, скорее с профессиональной скукой. — Ходят тут всякие... Землю топчут. А покойнички, между прочим, покою требуют. Церковного чина. Тишины.

— Здорово, Харитон, — Артём не стал тратить время на расшаркивания. Он полез в карман куртки и извлек увесистый холщовый кисет, перевязанный просмоленной бечевкой. — «Черный кочегар». Крепкий, ядреный, как удар копрового молота. Листья с южных плантаций, вымоченные в ромовой патоке. Кузнецы такой курят, когда их обычная махорка уже не берет.

Глаза зрителя масляно блеснули. Он выхватил кисет из рук Артёма с ловкостью голодной жабы, поднес к носу и шумно втянул воздух. Лицо старика разгладилось, приобретя выражение почти религиозного экстаза.

— Ух... дерет... Аж мозги шевелятся, — выдохнул он, пряча сокровище за пазуху. — Ну, заходи, коли не шутишь. Чай из сушеной морошки пить будешь? Или сразу к делу перейдем?

Внутри сторожки было на удивление тепло. В железной печке-буржуйке весело потрескивали сухие березовые чурки. На столе, среди сухарей и пустых глиняных кружек, лежал потрепанный гроссбух в переплете из свиной кожи —

неофициальный реестр захоронений, который Харитон вел исключительно для собственного обогащения.

Артём сел на лавку, положил локти на стол и выжидательно посмотрел на старика.

— Мне нужно пополнение фонда, Харитон. Два каркаса. Критерии ты знаешь: без прижизненного сифилиса, без тяжелых переломов трубчатых костей, возрастом от двадцати до сорока. Предпочтительно — молотобойцы или забойщики. Кальциевый каркас должен выдерживать длительные циклические нагрузки на скручивание и сжатие.

Смотритель достал из печи уголек, ловко прикурил от него короткую глиняную трубку, набитую бартерным табаком, и выпустил под потолок густое сизое облако.

— Ишь ты, «кальциевый каркас»... Сказанет тоже. Кости тебе крепкие подавай. Нету нынче хороших костей, Скворцов. Молодежь хилая пошла, всё больше от чахотки мрут да от водки паленой. Печень в труху, ребра — как сухие веточки, пальцем ткни — рассыплются.

— Не прибедайся. На прошлой неделе в третьем шурфе барона был прорыв грунтовых вод. Затопило нижний горизонт. Пятерых вытащили только через трое суток. Родственников у них нет — пришлые сезонники из Верхнего Пограничья. Куда их определили?

Харитон прищурился, выпустив две струйки дыма через ноздри:

— Догадливый ты, парень. Как есть нечистый на руку при-

казчик. Определили, да. В седьмой сектор, под березы. Землица там мягкая, копать легко. Только ведь это... грех великий. Осквернение праха. Если храмовники пронюхают — меня на кол посадят, а тебя на костре спалят во славу Единого.

— Храмовники не появляются в Нижнем Шурфе, пока барон исправно платит десятину со свинцовых слитков, — отрезал Артём. — А осквернение праха — это юридически безграмотный термин. Я не трогаю их души. Души, согласно догмату Святого Августина от семьсот двенадцатого года, отлетают в Чертоги Света в момент прекращения сердечной деятельности. Я беру во временную аренду исключительно брошенную биологическую оболочку. По сути — утилизирую бесхозные минеральные фракции.

— Ты мне зубы не заговаривай своими параграфами, — хмыкнул Харитон, но гроссбух придвинул ближе и послушавил узловатый палец. — Четыре серебряных полновесных кругляка за пару. И мешок табака сверху к первому числу следующего месяца.

— Два серебряных. И я сам выкапываю, сам укрепляю грунт и возвращаю дерн на место так, что ни одна собака не заметит просадки почвы. Никаких следов, Харитон. Чистая амортизация. Тебе даже задницу от печки отрывать не придется.

«[Навык «Управление персоналом: Аутсорсинг загробного мира»]

‘Проверка харизмы и финансовой выгоды...’

‘Оппонент колеблется.’

‘Фактор риска: Минимальный (гробокопатель берет риски эксгумации на себя).’

Старик долго сопел, пуская кольца едкого дыма, затем с треском захлопнул книгу:

— Три серебряных. Меньше не возьму, хоть режь. Мне еще отцу Варсонофию на ладан жертвовать, чтоб глаза закрывал, когда я по ночам с лопатой по секторам брожу. Третий ряд от дренажной канавы, свежий холмик с березовым крестом без надписи. Там двое лежат. Здоровые были мужики, царство им небесное. Одному породой башку снесло, второму грудину придавило, но ноги и хребет целые, сам проверял, когда обмывали.

Артём полез в кошель и выложил на скатерть три тускло блеснувших кругляка чеканки вольного города Нордхейма. Серебро высокой пробы.

— Сделка закрыта. Заберу завтра в полночь, когда закончу подготовку забоя. Если крест накренится — поправь сам, не привлекай внимания.

— Заберёт он... — проворчал Харитон, пряча монеты в потайной карман тулупа. — Дело твое. Только помни, Скворцов: мертвые — они, конечно, работники тихие, жалоб в гильдию не пишут. Но ежели ты с ними баланс нарушишь... Земля долгов не прощает.

— Земля — это просто пассивный балансовый актив, дед,

— спокойно ответил Артём, поднимаясь со скамьи. — А с активами надо уметь грамотно обращаться. Тогда и долгов не возникнет.

Воздух на главной улице поселка стал еще гуще. Спустились сумерки, и над бараками зажглись редкие чадающие фонари на дешевом ворвани. Из кабака «Сломанное колесо» доносились пьяные крики, звон оловянной посуды и визгливые переливы гармоники. Работяги пропивали дневную пайку, спуская здоровье и медяки в карман толстого трактирщика.

Классическая модель феодальной эксплуатации: заработал — отдал владельцу кабака — утром пошел в забой с чугунной головой, чтобы снова заработать. Коэффициент полезного действия системы — меньше пятнадцати процентов. Любой инженер на Земле за такую схему организации труда оторвал бы руки главному технологу.

Артём миновал кабак, свернул в проулок и вышел к высокой бревенчатой постройке, из трубы которой в темнеющее небо снопами вылетали багровые искры.

Кузница мастера Густава гудела, как растревоженный улей. Тяжелый паровой молот — редкость и гордость здешних мест, купленный бароном по дешевке у гномов-ренегатов — мерно ухал:

УХ-Х... TAX! УХ-Х... TAX!

Внутри царил филиал преисподней. Жар от горна опалял

лицо даже от дверей. Сам Густав — кряжистый мужик с бородой, заплетенной в две косички, и мускулами, напоминавшими узловатые дубовые корни — держал длинными клещами багрово светящуюся полосу рессорной стали, ловко подставляя ее под удары бойка.

Заметив Артёма, кузнец махнул подмастерью, чтобы тот перекрыл клапан пара. Грохот стих, сменившись тяжелым шипением сглатываемого давления.

— А, расчетливый колдун пришел, — Густав опустил заготовку в чан с отработанным маслом. В воздух взметнулся столб черного едкого дыма. — Чего надо, парень? Если опять пришел просить сточить напильники под сверла — проваливай. У меня срочный заказ от фактории на триста крепежных скоб. Руки плавают.

— Никаких сверл, Густав, — Артём подошел к верстаку, снял с плеча мешок и аккуратно выложил на замасленные доски три увесистых куса тяжелой, отливающей металлическим блеском породы с характерными розово-фиолетовыми прожилками.

Кузнец нахмурился, сдвинул защитные очки на лоб, взял один из камней и поднес его к свету масляной лампы. Поскреб ногтем, затем достал из кармана фартука граненый кремневый штифт и провел по сколу.

— Кобальтин, — констатировал он, и в голосе кузнеца впервые прорезалось неподдельное уважение. — Причем жильный, высокой чистоты. Зерно мелкое, мышьяковистых

примесей почти нет. Откуда? Бароновские жилы на третьем горизонте уже полгода как выработаны, там один пирит прет да пустая порода.

— Места надо знать, мастер. Это из старых выработок шурфа «Слепой крот». Там, где в сорок пятом году обвалился штрек.

Густав присвистнул:

— Да ты безумец. Туда тридцать лет никто не спускался. Там же метан стоит под кровлей, а крепи сгнили в труху. Один неверный шаг — и накроет так, что даже сапог не найдут.

— Людям туда соваться действительно не стоит, — не стал спорить Артём. — Метан опасен для тех, у кого есть легкие. А гнилые крепи критичны для тех, кто боится перелома позвоночника. Моим... подрядчикам эти проблемы неведомы. Перейдем к делу?

Кузнец положил руду обратно на стол и скрестил мощные руки на груди:

— Чего ты хочешь?

— Шесть специальных кирок. Вот чертеж, — Артём извлек из планшета лист плотной бумаги, исчерченный четкими тушевыми линиями с проставленными допусками и размерами.

Густав близоруко сощурился, вглядываясь в чертеж, и брови его полезли на лоб:

— Это что за уродцы? Длина клюва — сорок сантимет-

ров? Угол атаки — шестьдесят градусов? Да еще и обух утяжелен свинцовой заливкой на полтора килограмма? Парень, ты в своем уме? Таким инструментом нормальный забойщик через двадцать взмахов выплюнет собственное сердце! Баланс завален вперед, кисть вывернет при первом же скользящем ударе о гранит!

— Человеку — вывернет, — спокойно согласился Артём. — Потому что у человека есть мышечная усталость, молочная кислота в волокнах и инстинкт самосохранения связок. Мне не нужна эргономика для живого шахтера. Мне нужна максимальная кинетическая энергия удара в точке контакта. Мои работники не используют кистевой доворот. Они работают по принципу маятника: подъем за счет рычага плечевой кости — свободное падение массы с ускорением свободного падения плюс импульс тяги трапециевидного узла.

Кузнец посмотрел на Скворцова так, словно тот заговорил на древнеэльфийском диалекте:

— Чего-чего?

— Физика, Густав. Седьмой класс средней школы. Масса, помноженная на ускорение. Я компенсирую недостаток мускульной силы скелета чистой инерцией тяжелого обуха. Клюв должен быть из высокоуглеродистой стали, закалка зонная — только на острие, чтобы тело клина не раскололось при вибрации. Проушина — толстостенная, усиленная ребрами жесткости.

Густав почесал затылок закопченным пальцем, снова гля-

нул на чертеж, затем на куски кобальтовой руды:

— Сделать-то можно... Материал есть — старые вагонеточные рессоры как раз пойдут в дело, там сталь добрая, вязкая. Но работа штучная, возни с оправками много. Двенадцать серебряных монет за партию. И два вот этих камня я забираю себе в качестве сырьевой надбавки.

— Десять серебряных, камни забираешь, — Артём выдвинул встречные условия. — Но рукояти насаживаешь сам. Вяз, вываренный в льняном масле. Никакой березы, она колется вдоль волокон. Расклинивание — крестообразное, на железные клинья с насечкой. Срок — завтра к пяти часам пополудни. В шесть я должен начать проходку.

— Ты мне всю душу вымотал, Скворцов, — прорычал кузнец, но в глазах его горел азарт настоящего мастера, которому наконец-то предложили нестандартную техническую задачу вместо унылых крепежных костылей. — Ладно. Сделаю. Но если твои костяные болванчики расколют хоть один клюв о базальт — претензии не принимаю.

— Если они расколют клюв — значит, я ошибся в расчетах твердости породы по шкале Мооса, — усмехнулся Артём. — А я, мастер Густав, в расчетах не ошибаюсь. До завтра.

Комната, которую Скворцов снимал на втором этаже дома бондаря, была образцом сурового производственного минимализма.

Никаких ковров, мягких перин или безвкусных безделушек. Железная койка с тощим тюфяком, набитым сухим папоротником (папоротник отпугивал клопов, что сэкономило до 0.5 ед. концентрации внимания в утренние часы). Прочный дубовый стол, заваленный чертежами, пробирками и образцами пород. И огромный, обитый полосовым железом сундук, на котором мерцали руны защитного контура.

Артём запер дверь на два оборота, проверил целостность контрольной нити из паучьего шелка у косяка и только после этого позволил себе с облегчением выдохнуть.

Сняв куртку, он подошел к столу, зажег простую сальную свечу и положил перед собой раскрытую конторскую книгу в твердом коленкоровом переплете. Главный бухгалтерский гроссбух его маленького, но гордого предприятия.

`[Финансово-производственный отчет за текущую декаду]

`Проект: «Шурф Слепой Крот / Освоение жилы №1»`

Перо заскрипело по бумаге, выводя ровные, убористые строчки цифр:

КАПИТАЛЬНЫЕ ЗАТРАТЫ (САРЕХ):

`— Лопаты б/у (партия 15 шт. + обломки): 0.9 сер.`

`— Приобретение биокаркасов (2 ед., категория «Шахтер»): 3.0 сер.`

`— Заказ специализированного инструмента (кирки утяжеленные, 6 шт.): 10.0 сер.`

`— Ремонтный компаунд (мел, сало, вытяжка мха): 0.15

сер.>`

`— Амортизационный фонд и непредвиденные расходы:
1.5 сер.>`

`ИТОГО САРЕХ: 15.55 серебряных монет (155.5 мед-
ных).`

ОПЕРАЦИОННЫЕ РАСХОДЫ (ОРЕХ / суточные):

`— Мана-подпитка сети (расчет по рыночной стоимости
мана-солей): 0.8 сер./сутки.`

`— Смазочные материалы для суставов: 0.05 сер./сутки.`

`— Питание и аренда жилья оператора: 0.2 сер./сутки.`

`ИТОГО ОРЕХ: 1.05 серебряных монет/сутки.`

*ПРОГНОЗ ДОХОДНОСТИ (на базе пробных образ-
цов):*

`— Мощность кобальтовой линзы: расчетно 1.2 тонны чи-
стой руды.`

`— Рыночная стоимость сырого кобальтина (скупка Гиль-
дии Алхимиков): 4.5 сер. за пуд (16.3 кг).`

`— Ожидаемый валовый доход: ~330 серебряных монет.`

`— Чистая приведенная прибыль (NPV) за 10 рабочих
смен: ~300 серебряных монет.`

`— Рентабельность инвестиций (ROI): свыше 1800%.`

Артём откинулся на спинку стула, любуясь идеальной гео-
метрией финансового плана.

Тысяча восемьсот процентов. Ни один банк вольного Нор-
дхейма, ни одна торговая гильдия южных морей, ни один
ростовщик-гном не могли даже мечтать о подобной маржи-

нальности.

Почему? Да потому что их экономика базировалась на архаичном, порочном фундаменте живого труда.

Если бы барон фон Штольц решил вскрыть кобальтовую линзу в «Слепоем кроте», ему бы потребовалось:

1. Нанять артель из двенадцати забойщиков и шестерых откатчиков (фонд оплаты труда — минимум сорок серебряных в неделю).

2. Поставить вентиляционный нагнетатель с конным приводом для удаления метана (капитальные затраты — под сотню золотых).

3. Восстановить крепи по всей длине штрека, чтобы породой не пришибло драгоценную рабочую силу (еще пятьдесят золотых на лесоматериалы и плотников).

4. Оплачивать страховку Гильдии Горняков и отстегивать десятину местному приходу за отпевание тех, кого всё-таки завалит.

В итоге себестоимость пуда бароновского кобальта взлетала до четырех серебряных монет, оставляя владельцу жалкие крохи прибыли в десять-двенадцать процентов. А при малейшем колебании рыночных цен предприятие мгновенно уходило в глубокий минус.

У Скворцова же не было вентиляторов. Скелетам не нужен кислород. Они прекрасно работают в атмосфере чистого метана, углекислоты и сероводорода.

У него не было сплошных крепей. Зачем тратить драго-

ценное дерево на безопасность штольни? Если потолок просядет и обрушится на Юнита Ноль Один, худшее, что произойдет — сломается пара ребер и треснет ключица. Ремонт займет сорок минут с помощью копеечной мази и трех заклинений низшего круга. Никаких похоронных выплат. Никаких слез вдов. Никаких забастовок.

«Идеальный рабочий класс, — подумал Артём, делая глоток остывшего травяного отвара. — Абсолютная сознательность. Нулевая текучесть кадров. Полное отсутствие вредных привычек. Никаких профсоюзов. Мечта любого промышленника двадцать первого века, воплощенная методами прикладного танатогенеза».

Он достал из подсумка небольшую медную ступку, высыпал туда горсть серого порошка — сушеные корни пещерного выюнка — и принялся методично растирать их пестиком. Предстояло приготовить новую партию суспензии для завтрашней эксгумации.

Кости, пролежавшие в земле больше трех суток, требовали немедленной дегидратации и первичной протравки некротическим связующим. Если поторопиться и поднять скелет без обработки, суставные сумки разобьются при первой же серьезной нагрузке, а костный мозг внутри каналов начнет бродить, вызывая внутреннее кавернозное гниение.

— Тщательность в мелочах — залог безаварийной эксплуатации, — пробормотал он, добавляя в порошок три капли очищенной серной кислоты из стеклянной пипетки. Смесь

зашипела, по комнате поплыл резкий химический запах, мгновенно перебивший аромат папоротника.

Вдруг в тишине комнаты раздался резкий, металлический щелчок.

Артём замер. Пестик застыл над ступкой.

Звук шел не из коридора и не со двора. Он вибрировал прямо в черепной коробке — на той самой частоте, на которой был настроен командный контур управления рабочей сетью.

`[ВНИМАНИЕ: Тревожный сигнал телеметрии!]

`Источник: Юнит №03 (Откатка / Сортировка)`

`Локация: Шурф «Слепой крот», глубина 42 метра`

`Статус контура: Внешнее механическое воздействие!`

`Целостность рабочей зоны: Нарушена.`

`Причина прерывания протокола: Зафиксировано проникновение биологического объекта класса «Гуманоид» (количество: 2).`

Скворцов медленно опустил пестик на стол. Глаза его сузились, превратившись в две холодные серые щели.

— Вот как? — тихо произнес он, открывая интерфейс тактического обзора через оптические сенсоры третьего номера. — Гости? В заброшенном шурфе, посреди ночи?

Перед мысленным взором возникло дерганое, монохромное изображение в инфракрасном спектре — стандартная картинка костяного восприятия.

Штрек. Полуразрушенная каменная кладка. Юнит Ноль

Три, замерший у вагонетки с куском породы в костяных пальцах — сработал базовый протокол маскировки: при появлении посторонних прикинуться обычными останками.

А в десяти метрах от него, у входа в забой, мерцали два размытых тепловых силуэта.

Один держал в руках длинный металлический щуп, которым обычно проверяют старые выработки на наличие пустот. Второй сжимал короткий пехотный самострел. На поясах у обоих тускло светились круглые бляхи с тиснением в виде скрещенных молота и факела.

Служба безопасности барона фон Штольца. Или, что еще вероятнее — шпионы местной гильдейской артели «Горный сокол».

— Ну надо же, — Артём поднялся со стула, аккуратно закрылgrossбух и сдвинул засов оружейного шкафчика. — Конкурентная разведка подросла раньше, чем я заложил первый амортизационный цикл. Какая вопиющая неэффективность рыночных институтов. Вместо того чтобы оптимизировать собственные издержки, они суют нос в чужие производственные цепочки.

Он достал из шкафа короткий, тяжелый клевец с черным граненым клювом — идеальное оружие для тесных подземных пространств, где мечом не размахнуться, а кинжал бесполезен против кожаного доспеха. Сунул за голенище запасную банку с реставрационной мазью, перекинул через плечо ремень с готовыми метательными кристаллами праха.

«[Команда сети: Юнит №01, Юнит №02, Юнит №03]»

«Переход из режима «Добыча» в режим «Охрана периметра / Защита активов».»

«Автономия действий: Ограниченная.»

«Приоритет: Блокирование путей отхода нарушителей. Сохранение целостности инструментального фонда.»

— Придется провести внеплановое выездное совещание по вопросам производственной безопасности, — прошептал Скворцов, задувая свечу. — И объяснить господам аудиторам, почему несанкционированный аудит на моем объекте карается стопроцентной утилизацией в пользу амортизационного фонда.

Тень скользнула к окну, бесшумно отжав щеколду. Через секунду комната опустела, и только слабый запах могильного мха и серной кислоты напоминал о том, что здесь только что верстался бюджет будущей промышленной революции.

Глава 4. Глава 4

В костяных пальцах замерло тяжелое граненое кайло — сработал базовый протокол маскировки: при появлении посторонних прикинуться обычными останками. Инструмент не упал, не звякнул о гранитную породу, а плавно, с рассчитанным замедлением опустился на каменную крошку. Челюсть Юнита №01 слегка перекосилась, шейные позвонки без единого скрипа просели на пару миллиметров, имитируя естественное осыпание скелета, истлевшего века назад в заваленном штреке.

А в десяти метрах от него, у входа в забой, мерцали два размытых тепловых силуэта.

Один держал в руках длинный металлический щуп, которым обычно проверяют старые выработки на наличие пустот и скрытых карманов с рудничным газом. Второй сжимал короткий пехотный самострел с взведенной стальной дугой. На поясах у обоих тускло светились круглые бляхи с тиснением в виде скрещенных молота и факела.

Служба безопасности барона фон Штольца. Или, что еще вероятнее — шпионы местной гильдейской артели «Горный сокол».

— Ну надо же, — Артём поднялся со стула, аккуратно закрылgrossбух и сдвинул засов оружейного шкафчика. — Конкурентная разведка подросла раньше, чем я заложил

первый амортизационный цикл. Какая вопиющая неэффективность рыночных институтов. Вместо того чтобы оптимизировать собственные издержки, они суют нос в чужие производственные цепочки.

Он достал из шкафа короткий, тяжелый клевец с черным граненым клювом — идеальное оружие для тесных подземных пространств, где мечом не размахнуться, а кинжал бесполезен против проклепанного кожаного доспеха. Сунул за голенище сапога запасную банку с реставрационной мазью на основе костного клея и толченого малахита, перекинул через плечо ремень с готовыми метательными кристаллами праха.

`[Команда сети: Юнит №01, Юнит №02, Юнит №03]`

`Переход из режима «Добыча» в режим «Охрана периметра / Защита активов».`

`Автономия действий: Ограниченная.`

`Приоритет: Блокирование путей отхода нарушителей. Сохранение целостности инструментального фонда.`

— Придется провести внеплановое выездное совещание по вопросам производственной безопасности, — прошептал Скворцов, задувая сальную свечу. — И объяснить господам аудиторам, почему несанкционированный аудит на моем объекте карается стопроцентной утилизацией в пользу амортизационного фонда.

Тень скользнула к вентиляционному лазу над рабочим столом, бесшумно отжав кованую щеколду. Через секунду

комната опустела, и только слабый запах могильного мха и серной кислоты напоминал о том, что здесь только что верстался бюджет будущей промышленной революции.

Штрек номер три встретил Артёма привычной, ласкающей слух тишиной. Воздух здесь был сухим, плотным, насыщенным тончайшей взвесью серого колчедана и едва уловимым озоновым привкусом — побочным эффектом работы циркуляционных рун, поддерживающих тягу. Настоящий шахтерский рай: никаких взрывоопасных испарений болотного газа, никакой ядовитой сырости, от которой легкие живых рабочих за три года превращались в гнилую губку.

Для нежити вентиляция требовалась исключительно с одной целью: предотвратить накопление тепловых карманов, способных выдать термическую аномалию внешним наблюдателям.

Скворцов двигался по верхнему технологическому карнизу — узкому уступу под самым сводом выработки, укрепленному просмоленными балками из мореного лиственничника. Подошвы его мягких сапог ступали по камню абсолютно беззвучно. Навык `[Бесшумный шаг аудитора: Уровень 4]` исправно списывал микровибрации подошвы в графу «естественные акустические погрешности среды», пока показатель маны таял с пренебрежимо малой скоростью — всего 0.08 единицы в минуту.

Внизу, в главном забое, двое гостей двигались с черепа-

шьей осторожностью.

Тот, что со щупом — плотный, коренастый бородач в стеганой куртке с наплечниками из вареной кожи — вел кончиком металлического стержня по полу, чутко вслушиваясь в резонанс. Второй, помоложе, нервно вертел головой, держа палец на спусковой скобе самострела. Наконечник короткого болта в полумраке флуоресцировал грязно-зеленым: яд болотной гадюки, паралитик быстрого действия. Против живых забойщиков — страшная вещь, вызывающая судороги диафрагмы за четыре вдоха.

Против кальцинированного костяка — бесполезная трата драгоценных химикатов себестоимостью не менее трех серебряных монет за дозу.

— Говорю тебе, Брант, тут чертовщина какая-то, — шепотом выдавил молодой, едва не споткнувшись о край вагонеточного рельса. — Шахта списана двенадцать лет назад. Совет гильдии признал жилу исчерпанной, барон лично подписал отказную грамоту. Откуда в Нижнем Городе медь такой чистоты пошла? Старик Хобб клялся на наковальне, что плавильщики на прошлой неделе приняли три центнера рафинированного халькопирита без гильдейского клейма!

— Заткнись, Радек, — оборвал его коренастый, аккуратно опуская щуп на стык каменных плит. — Сам знаю, зачем нас послали. Хобб спит и видит, как прижать диких старателей к ногтю. Если кто-то нашел новый пласт мимо казны баро-

на и кассы артели — это виселица. Или пожизненная каторга в королевских солеварнях. Нам платят за факт фиксации незаконной добычи, а не за твои бабьи вздохи.

Они вышли на освещенную слабым люминесцентным мхом площадку, где штрек расширялся, образуя просторную погрузочную камеру.

И оба замерли.

Радек судорожно сглотнул, водя арбалетом из стороны в сторону:

— Матерь Горная... Брант, ты это видишь?

Перед ними предстала картина, способная выбить из колеи любого опытного горняка.

Забой не просто разрабатывался. Он эксплуатировался с пугающей, маниакальной геометрической точностью. Стены выработки не имели привычных следов хаотичных ударов кирок, рваных сколов и выбоин, неизбежных при спешной, лихорадочной работе нелегальных старателей. Порода была выбрана ровными ступенями, уступами шириной ровно в шестьдесят сантиметров. Никакого мусора под ногами. Ни разбросанных деревянных клиньев, ни объедков солонины, ни сальных огарков, ни человеческих нечистот, которыми обыкновенно смердит любой глубокий забой с живой рабочей силой.

Вдоль левой стены возвышались идеальные штабеля извлеченного камня. Пустая порода — серый сланец и гранитный щебень — была аккуратно отсортирована по фракциям

и уложена в сухую кладку подпорных стенок, укрепляющих свод. Ни сантиметра лишнего груза не поднималось вверх: пустая порода сразу утилизировалась в строительные нужды прямо на месте.

А чуть дальше стояли три плетеных короба из ивовых прутьев, доверху наполненные кусками темно-золотистого, отливающего павлиньей синевой минерала. Высокосортный халькопирит. Каждый кусок был тщательно очищен от вмещающей породы и протерт ветошью. На боку верхнего короба куском мела было выведено каллиграфическим почерком:

Партия №14-Б. Вес: 184.5 кг. Содержание Cu: ~31.2%.
Брак по фракции: 0.00%

— Что это за колдовство?.. — пробормотал Брант, протягивая руку к коробу. Его пальцы коснулись куска руды, словно проверяя, не мираж ли это. — Ни пылинки... Они что, полировали ее? Кто так работает? Где костры для отжига камня? Где угар? Где хоть одна живая душа?!

— Вон твоя душа, — дрожащим голосом отозвался Радек, указывая арбалетом в темный угол забоя.

У самого забоя, привалившись спиной к гранитной плите, застыл скелет.

Обычный мертвец. Старые серые кости, покрытые налетом каменной пыли. На черепе сидел выцветший кожаный шахтерский подшлемник, нижняя челюсть свисала, приоткрыв ряд щербатых зубов. В костяных пальцах, вцепивших-

ся в древко, покоилось кайло с клеймом давно обанкротившейся мануфактуры «Кройц и сыновья». Чуть поодаль, у вагонетки, лежали еще двое: один скрючился на куче гравия, зажав в ребрах тяжелую штыковую лопату, второй безжизненно вытянул ноги прямо поперек узкоколейки.

— Падаль, — с видимым облегчением сплюнул Брант, вытирая пот со лба рукавом куртки. — Старая могила. Видать, завалило бедолаг при первом хозяине, когда свод рухнул. А тот, кто сейчас жилу копает, просто вырыл их из завала и бросил в угол, чтоб под ногами не путались.

— Не знаю, Брант... — Радек сделал осторожный шаг вперед, прищурившись. — Кайло посмотри. Острие свежезаточенное. Блестит, как новая крона. И на рукояти... кости не рассыпались, они будто клеем смазаны. Или смолой.

— Хватит трястись, недоумок! — рывкнул старший, но сам все же подошел ближе и ткнул металлическим щупом в ребра Юнита №01.

Звук получился странным. Не глухой стук истлевшей кости, готовой рассыпаться в прах, а плотный, упругий щелчок, словно металл ударил в просмоленный корабельный канат или кость матерого вепря.

Щуп соскользнул.

В ту же секунду интерфейс перед глазами Артёма, наблюдавшего за сценой из-под свода, вспыхнул предупреждающим янтарным маркером:

«[Внимание: Физический контакт с активом №01-К]»

«[Фиксация ущерба: Микроцарапина левого ложного ребра. Снижение товарной стоимости: 0.002%]»

«[Статус нарушителей: Несанкционированное вторжение, порча производственного инвентаря, попытка хищения интеллектуальной собственности]»

«[Директива: Применить меры принудительного урегулирования убытков]»

— Пора закрывать баланс, — тихо произнес Скворцов.

Мысленный импульс по закрытой командной шине сорвался с кончиков пальцев:

«[Снятие маскировки. Протокол: Захват дебиторов]»

«[Юнит №01 — Блокировка дистанционного оружия]»

«[Юнит №02, №03 — Отрезание периметра]»

В тишине забоя раздался щелчок, похожий на звук взводимого капкана.

Челюсть Юнита №01, секунду назад безвольно болтавшаяся на височно-нижнечелюстных связках, захлопнулась с сухим звуком фарфорового пресса. В пустых глазницах вспыхнули крошечные точки бледно-зеленого, холодного пламени.

Костяная рука, еще миг назад казавшаяся мертвой окаменелостью, метнулась вперед со скоростью распрямившейся рессоры. Пальцы, усиленные слоями лака из древесной смолы и алхимической извести, намертво сомкнулись на стволе арбалета Радека, отведя оружие в сторону и вверх.

— Твою мать!.. — взвизгнул арбалетчик, дергая спуск.

Тр-р-рах!

Тяжелый болт ушел в потолок, выбив сноп искр из крепи и осыпав коридор каменным крошевом. Спущенная тетива с металлическим гулом хлестнула по воздуху. Радек попытался вырвать оружие, но с тем же успехом он мог бы перетягивать канат с чугунной лебедкой. Скелет не обладал мышцами, которые могли бы устать, закислиться или дрогнуть от страха. Усилие сервоприводов некромантической матрицы держало постоянную нагрузку в восемьдесят килограммов на сжатие.

— Живые мертвецы! — заорал Брант, отшатываясь назад и выхватывая из ножен широкий тесак с пилообразным обухом. — Некромант! Здесь чернокнижник!

Он крутанулся на каблуках, намереваясь броситься назад, к выходу из штольни — опытный наемник понимал, что в узком штреке против нежити без освященного серебра и священника ловить нечего.

Но путь к отступлению уже был закрыт.

Из темноты прохода, бесшумно перебирая босыми костяными фалангами, вынырнули Юнит №02 и Юнит №03. Никаких зловещих завываний, никакого скрежета зубов. Только холодная, расчетливая целесообразность конвейера. Второй юнит перегородил штольню поперек, выставив вперед массивную совковую лопату с заточенной кромкой, а Третий держал в обеих руках двухметровую листовничную стойку, готовясь использовать ее как таран или распорку.

Они действовали не как дикая нежить из сказок, набрасы-

вающаяся на плоть, чтобы сожрать ее. Они перекрывали коридор так, как забойщики перекрывают прорыв грунтовых вод — методично, без зазоров, оставляя противнику ровно ноль шансов на маневр.

— Назад, твари! — взревел Брант, нанося сокрушительный диагональный удар тесаком по ключице Юнита №02.

Удар был поставлен превосходно. Лезвие из закаленной стали рассекло бы живого человека от плеча до середины грудины.

Но сталь встретила подготовленный композит.

Дзинь!

Звук был такой, будто клинок рубанул по гранитной плите. По ребрам скелета пробежала паутина тонких защитных рун, поглотивших кинетическую энергию удара и рассеявших ее по всему костяку. На ключице осталась лишь неглубокая зарубка, тут же затянувшаяся серой пленкой — сработал нанесенный Артёмом регенерационный праймер.

`[Юнит №02: Целостность структуры — 97.4%]`

`[Расход маны на компенсацию удара: 1.4 ед.]`

`[Оценка боевой эффективности противника: Высокая агрессия, примитивная тактика]`

— Износ инструмента... — раздался сверху спокойный, рассудительный голос. — Повреждение амортизирующего слоя каркаса... Господа, вы хоть представляете, сколько человеко-часов уходит на тонкую балансировку плечевого сустава нежити третьего грейда?

Брант вскинул голову.

С высоты трех метров, мягко спружинив на подошвах и не подняв ни облачка пыли, на каменный пол приземлился человек в безукоризненно чистом сюртуке из плотного серого сукна с металлическими пуговицами. Никаких балахонов с вышитыми черепами, никаких амулетов из костей девственниц или гниющих плащей. Строгий, практичный крой, идеальная осанка, аккуратно зачесанные назад темные волосы и тонкие кожаные перчатки без единого пятна сажи.

В правой руке человека покачивался короткий клевец. Черная сталь бойка жадно поглощала свет люминесцентного мха.

— Ты... ты кто такой?! — выдохнул Брант, пятясь спиной к стене выработки и держа тесак перед собой дрожащей рукой. Сзади него заходилась в придушенных хрипах Радек: Юнит №01 аккуратно, но неотвратимо прижал арбалетчика к породе, зафиксировав его запястья стальной хваткой одной руки, а пальцы второй мягко положив парню на сонную артерию. Тот даже пикнуть не смел, ощущая ледяной холод мертвой кости у своего горла.

— Старший управляющий производственного комплекса «Штольня №3», — представился Артём, слегка склонив голову. — Скворцов Артём Евгеньевич. Впрочем, для вас — председатель ликвидационной комиссии.

— Чернокнижник проклятый... — прохрипел Брант, наливаясь бешеной злобой загнанного в угол зверя. — Гиль-

дия знает, что мы здесь! Барон знает! Если мы не вернемся к утреннему колоколу, сюда войдет рота арбалетчиков с огнеметами и жрецами Восходящего Солнца! От твоей костяной шарашки даже пепла не останется!

Артём тяжело, искренне вздохнул и покачал головой:

— Ложь. Причем экономически несостоятельная.

Он сделал неторопливый шаг вперед, взвешивая клевец в руке:

— Во-первых, если бы барон или Совет артели располагали официальными сведениями о промышленной добыче в этом секторе, сюда бы не послали двух низкооплачиваемых лазутчиков с фальшивыми гильдейскими жетонами сомнительной чеканки. Вы — неофициальная разведка. Вероятнее всего — инициатива цехмейстера Хобба, решившего подмять неучтенный металл под собственный личный карман, минуя реестр гильдии.

Глаза Бранта расширились. Зрачки сузились в крошечные точки. Скворцов попал в яблочко с первой же аудиторской проводки.

— Во-вторых, — продолжил Артём, сокращая дистанцию еще на полшага, — затраты на отправку роты регулярной стражи с боевыми магами и клириками составляют порядка шестидесяти золотых крон в сутки, не считая амортизации снаряжения и наградных за ликвидацию прорыва скверны. Барон фон Штольц известен своей патологической скупостью. Он не санкционирует войсковую операцию без стопро-

центных доказательств рентабельности. А единственные доказательства сейчас топчутся передо мной и оставляют грязные следы на свежезачищенной породе.

— Сдохни! — взвыл Брант.

Понимая, что терять нечего, лазутчик бросился вперед. Его тесак свистнул в воздухе, целя Скворцову в незащищенное горло. Одновременно левая рука наемника метнулась к поясу — там висел круглый стеклянный фиал с ослепляющим порошком.

Быстро. Профессионально. Для обычного шахтера или застигнутого врасплох мага-самоучки — верная смерть.

Но Артём не был магом-самоучкой. Он был кризисным управляющим с опытом работы в арбитражных судах трех миров.

`[Активация навыка: Анализ кинетического баланса (ур. 3)]`

`[Траектория удара: Нисходящая диагональ. Вероятность парирования клевцом: 94.2%]`

`[Энергетический эквивалент контратаки: Минимальный]`

Скворцов даже не отклонил корпус. Короткий, скупой жест кисти — и граненый клюв клевца с сухим звоном встретил полотно тесака точно в точке фокуса вибрации, в десяти сантиметрах от гарды.

Оружие наемника словно наткнулось на наковальню. Отдача ударила Бранту в локоть, на мгновение парализовав лу-

чевой нерв. В ту же микросекунду Артём скользнул левой ногой вперед, сбивая баланс противника, и обухом клевца — плоской прямоугольной насадкой — коротко, без широкого замаха приложил Бранта точно в нижний угол челюсти.

Хрустнул сустав. Наемник захлебнулся собственным криком, выронил фиал и рухнул на колени. Стекланный пузырек не разбился — Юнит №03, просчитав траекторию падения матценности, ловко подставил костяную ладонь у самого пола, поймав алхимический состав на лету.

[Инвентарь пополнен: Слеповая смесь артели «Горный сокол» (сорт 2). Оценочная стоимость: 4 серебряных флорина]

— Чистая работа, Юнит №03. Премирую вас внеочередной полировкой фаланг серным маслом в конце смены, — бросил Скворцов, наступая носком сапога на пальцы Бранта, сжимавшие упавший тесак. Металл скрипнул под подошвой, наемник завыл от боли, уткнувшись лицом в каменную крошку.

— А теперь, — Артём плавно опустил на стоящий неподалеку пустой рудный ящик, закинул ногу на ногу и достал из кармана латунные карманные часы на цепочке, — у нас ровно пятнадцать минут на внесудебное урегулирование убытков. После чего начнется процедура принудительного банкротства ваших физических оболочек.

В забое воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерыви-

стым дыханием двух связанных лазутчиков.

Они сидели спиной к подпорной стенке, плотно спеленутые просмоленной конопляной бечевкой — той самой, которой увязывали короба с рудой. Бечевка держала намертво, а узлы вязал Юнит №02, запрограммированный на схему такелажных узлов дальнего плавания. Ни пошевелиться, ни дотянуться до потайных лезвий в голенищах было решительно невозможно.

Артём разложил на соседнем коробе свой дорожный грессбук в тисненном кожаном переплете. Достал костяную чернильницу-непроливайку, расправил стальное перышко и открыл чистый разворот с печатными графами «Дебет» и «Кредит».

Позади пленников неподвижными изваяниями застыли скелеты. Юнит №01 методично протирал тряпкой лезвие своего кайла, Юнит №03 стоял на страже штольни, а Юнит №02 держал над плечом Артёма алхимический фонарь, направляя ровный пучок белого света точно на страницы бухгалтерской книги.

— Итак, господа, сведем баланс инцидента, — ровным, лекторским тоном произнес Артём, скрипнув пером по бумаге. — Пункт первый: простой производственных мощностей. Три штатных добычных единицы были отвлечены от основного технологического процесса на двадцать две минуты. С учетом средней производительности забоя в сорок килограммов халькопирита в час на один юнит, недополу-

ченная прибыль предприятия составила сорок четыре килограмма товарной руды первого сорта. При текущей оптовой цене в двадцать два медных гроша за килограмм — это девятьсот шестьдесят восемь грошей. Или девять серебряных флоринов и шестьдесят восемь грошей.

Радек, у которого от страха зуб на зуб не попадал, ошарашенно переглянулся с Брантом. У того правая сторона лица уже заплыла багровой гематомой, а сломанная челюсть позволяла говорить только сквозь зубы.

— Ты... ты спятил? — прошепелявил Брант. — Какой дебет? Какая прибыль? Ты некромант! Ты вне закона! Архиепископ сжигает таких, как ты, на кострах из осинового угля!

Артём даже не поднял взгляда от страницы:

— Вопросы юрисдикции канонического права мы обсудим позже, когда я запрошу копию конкордата между Короной и Синодом от 714 года. Там, смею вас заверить, есть занятный параграф о статусе автономных механизмов и големов на рудничных концессиях. А пока мы находимся на частной территории, оформленной на компанию «Скворцов и партнеры» по договору переуступки прав требования долгов третьего порядка. Вы находитесь на частном объекте. Без допуска по технике безопасности. Без защитных касок. Без санитарных книжек.

Перо яростно застрочило дальше:

— Пункт второй: физический ущерб основным фондам. Царапина на ребре Юнита №01 — три капли восстанавлива-

ющей костной мази и ноль целых четыре десятых грамма порошка толченого малахита. Зарубка на ключице Юнита №02 — шлифовка, регенерационный праймер, тридцать секунд направленного магического потока. В пересчете на реагенты — один серебряный флорин и двенадцать грошей.

— Дяденька... господин управляющий... — заскулил молодой Радек, чувствуя, как ледяная рука стоящего за спиной скелета слегка касается его затылка. — Мы просто выполняли приказ! Нам цехмейстер Хобб дал по пять флоринов задатка! Сказал: спуститесь в старый штрек, гляньте, кто там ковыряется, поставьте метку гильдии на вход и назад! Мы же не знали, что тут... такое! Отпустите нас, мы уйдем из города! Мы клянемся!

— Клятва — это нематериальный актив с крайне сомнительной ликвидностью, — сухо парировал Артём. — Ее невозможно заложить в ломбард, ее нельзя предъявить к взысканию через вексельный сбор, и у нее стопроцентный риск дефолта в ту самую секунду, когда вы окажетесь вне зоны поражения моих сторожевых контуров.

Он аккуратно промокнул чернила пресс-папье, захлопнул гротеск и посмотрел на пленников тяжелым, пронизывающим взглядом:

— Совокупный ущерб с учетом штрафных санкций за промышленный шпионаж и разглашение коммерческой тайны составляет сорок два серебряных флорина. Вопрос аудита: чем господа нарушители намерены покрывать дебитор-

скую задолженность?

Брант сплюнул на пол сгусток крови:

— У нас нет таких денег. Все наше золото — в карманах. Можешь забрать тесак, арбалет и кошель. Там от силы монет двенадцать серебром наберется. Больше с нас взять нечего. Убей нас, тварь, и дело с концом! Только знай — Хобб не дурак. Если мы не вернемся к утру, сюда явятся другие!

— Убить вас? — Артём искренне, по-доброму усмехнулся, поправив манжеты. — Какое варварство. Какая феодальная дремучесть. Вы рассуждаете категориями разбойников с большой дороги. Зачем мне вас убивать? Мертвый нарушитель — это списание убытков в графу «безвозвратные потери».

Скворцов поднялся с ящика, подошел к Бранту вплотную и присел на корточки:

— Давайте посчитаем альтернативную стоимость вашей ликвидации. Если я перережу вам глотки прямо здесь, что я получу? Два свежих биологических каркаса. Но качество сырья оставляет желать лучшего. У вас, Брант, застарелый артрит правого колена — я заметил, как вы припадали на ногу при развороте. Каркас потребует декальцинации, чистки, длительного вываривания в щелоче для удаления мягких тканей, нанесения рунической вязи... На это уйдет трое суток чистого времени и маны на пятнадцать флоринов. А на выходе я получу всего лишь два низкоквалифицированных юнита класса «Зомби-носильщик» или «Скелет-откатчик» с

полезным объемом мышечной тяги в треть лошадиной силы.

Брант побледнел так, что серая шахтная пыль на его щеках показалась румянцем.

— А живой человек, — проникновенно продолжал Артём, похлопав наемника по плечу, — это высокоэффективный агент с уникальными социальными связями, доступом к закрытой гильдейской инфраструктуре и возможностью свободной циркуляции на открытых рынках. Убивать вас — экономическое преступление против моего баланса. Поэтому мы пойдем по пути реструктуризации долга.

— Ч-что?.. — пролепетал Радек.

— Вы переходите на аутсорсинг, — отрезал Артём. — Вариант «А»: я сейчас же утилизирую вас на костную муку и фосфорные соли для осветительных ламп. Это покроет примерно шесть флоринов долга. Остаток спишется как операционный убыток.

Скелеты за спинами пленников синхронно сделали шаг вперед. Кайло Юнита №01 с глухим металлическим звуком опустилось в сантиметре от бедра Радека, войдя в породу, как в масло. Парень взвизгнул и вжался в стену.

— Вариант «Б», — не обращая внимания на визг, продолжил Скворцов. — Вы подписываете добровольное соглашение о неразглашении коммерческой тайны, признание долга и договор субподряда на поставку расходных материалов из гильдейских складов. В счет погашения задолженности вы передаете мне всю оперативную информацию о графиче-

ке инспекций цехмейстера Хобба, приносите из города двадцать фунтов серного порошка, ящик костяного клея высшей очистки и обеспечиваете ложный отчет об обследовании данной выработки. В отчете вы укажете, что штрек обвален, затоплен сернистыми водами и содержит критическую концентрацию метана.

— Нас повесят, если узнают... — прохрипел Брант.

— Если узнают — вас повесит гильдия, — мягко согласился Артём. — Но это гипотетический риск в будущем с вероятностью реализации около тридцати процентов, если действовать строго по моим инструкциям. А если вы откажетесь прямо сейчас — стопроцентная конвертация в органические удобрения наступит ровно через три минуты. Поверьте моему опыту аудитора: тридцать процентов риска значительно выгоднее ста процентов гарантированного летального исхода.

Он вынул из нагрудного кармана два тонких пергаментных свитка, исписанных мелким, убористым почерком, и перочинный ножик:

— Чтобы закрепить наше взаимовыгодное партнерство и исключить проблему недобросовестного исполнения обязательств, договор подписывается с применением стандартной процедуры встречного обеспечения. Капля вашей крови на нижнюю руническую печать.

— Магия крови?.. — отшатнулся Брант. — Это же пожизненная кабала!

— Это эскроу-соглашение с обеспечением нематериальными активами, — строго поправил его Скворцов. — Если условия контракта соблюдаются — руна спит. Если вы решите заглянуть в кабинет барона или приведете сюда жрецов — руна вызовет мгновенный инфаркт миокарда и фибрилляцию желудочков. Никакой боли, просто мгновенная остановка насосной функции сердца. Смерть спишут на рудничную усталость или передозировку стимуляторами. Я ценю время своих контрагентов даже в момент их ликвидации.

Радек первым протянул связанные руки:

— Я согласен! Режь палец! Я все принесу, клянусь! И клей, и серу, и отчет Хоббу лично отдам, он поверит, он старый хрыч, сам в шахту никогда не спустится!

Брант тяжело задышал, глядя на напарника, затем перевел взгляд на безмолвные скелеты, на идеально ровные штабеля халькопирита и, наконец, на холодные, серые глаза Артёма. В этих глазах не было безумия темных магов, жаждущих чужой крови ради власти над миром. В них плескался абсолютный, чудовищный прагматизм математической машины, для которой человеческая жизнь была просто строчкой в графе переменных расходов.

И это пугало наемника куда сильнее любых демонических ритуалов.

— Давай перо, — процедил Брант.

Спустя пять минут процедура оформления сделки была завершена.

Свитки с алыми руническими оттисками аккуратно легли в металлический огнеупорный тубус на поясе Скворцова. Бечевки были срезаны. Изъятное оружие — арбалет и тесак — Артём, вопреки ожиданиям лазутчиков, вернул.

— Инструмент труда субподрядчика должен оставаться у субподрядчика, — пояснил он опешившим наемникам. — Безоружный разведчик вызывает ненужные подозрения на гильдейском КПП. Однако боезапас арбалета я конфискую в качестве гарантийного депозита. Получите назад после первой успешной поставки сырья.

— Когда... когда приносить серу? — спросил Брант, растирая затекшие запястья и морщась от боли в челюсти.

— Завтра, в третий колокол пополуночи. Точка сброса — старый вентиляционный шурф у Черепашьего холма. Там будет дежурить Юнит №03. Без фокусов, господа. Помните: печать на договоре реагирует не на слова, а на внутренний умысел нарушить контрактные обязательства. Попытка привлечь сторонних оценщиков или магов для снятия заклания расценивается как односторонний разрыв соглашения со всеми вытекающими патологоанатомическими последствиями.

— Мы поняли, — угрюмо буркнул наемник, подхватывая под руку все еще дрожащего Радека. — Пошли отсюда.

Они развернулись и быстрым, почти паническим шагом двинулись обратно по штреку, поминутно оглядываясь через плечо, словно ожидая удара в спину. Но удара не последовало.

ло. В цивилизованном бизнесе контрагентов не расстреливают на пороге переговорной комнаты.

Артём проводил их взглядом, пока отблески их масляного фонаря окончательно не растаяли во тьме центрального ствола.

〔Событие завершено: Отражение корпоративной инфильтрации〕

〔Получено опыта: 850〕

〔Получен навык: «Кризисный менеджмент персонала» — Уровень 1〕

〔Эффект: Снижение риска бунта или саботажа живых контрагентов на 12% при наличии юридически обязывающего некро-контракта〕

〔Репутация с артелью «Горный сокол»: Скрытый статус (Осведомленность руководства: 0%)〕

〔Текущий баланс предприятия: Положительный〕

— Прекрасно, — пробормотал Скворцов, поправляя воротник сюртука. — Мало того, что ликвидировали угрозу утечки инсайдерской информации, так еще и оптимизировали логистическую цепочку по поставке серы без уплаты гильдейского акциза. Чистая экономия на накладных расходах составит не менее двадцати процентов.

Он повернулся к своим подчиненным:

— Юнит №01, Юнит №02, Юнит №03. Окончание режима тревоги. Возврат к базовому производственному графику.

Скелеты синхронно вздрогнули. Огоньки в глазницах

притухли, перейдя из агрессивного изумрудного спектра в рабочий, энергосберегающий желтоватый оттенок.

«Команда сети принята»

«Переход в режим «Добыча / Сортировка»»

«Текущая норма выработки: 120 кг/час (суммарно)»

«Прогнозируемое время заполнения бункера: 4 часа 15 минут»

Юнит №01 подошел к забою, поднял свое кайло, выверенным движением поправил съехавший кожаный подшлемник и занес инструмент над породой.

Тук. Тук. Тук.

Сухой, ритмичный стук железа о гранит вновь наполнил подземное пространство. Никакой усталости. Никаких перекуров. Никаких требований профсоюзов об увеличении расценок за работу в ночную смену или компенсаций за вредность производства.

Артём достал из-за голенища банку с реставрационной мастью, подошел к Юниту №02 и шпателем аккуратно замазал зарубку на ключице, оставленную тесаком наемника:

— Потерпи, номер второй. До конца недели закроем эту жилу, получим расчет за черную медь и закажем для вас нормальный титановый сплав для армирования суставов. Хватит на костях экономить. Мы строим системное предприятие с высоким уровнем капитализации, а не шарашкину контору.

Скелет не ответил — лишь размеренно заскрипели шей-

ные позвонки, когда он повернулся к штабелю породы и подхватил лопату.

Скворцов поднялся по приставной лестнице обратно на свой карниз, вернулся в импровизированный кабинет и вновь зажег свечу на рабочем столе.

Впереди была долгая ночь. Следовало пересчитать график платежей, заложить риски срыва поставок серы через новых «субподрядчиков» и, самое главное, составить проект штатного расписания для четвертого штрека. Если жила халькопирита пойдет глубже, трех единиц рабочей силы станет критически мало.

Потребуется расширение штата.

Артём открыл раздел «Кадровый резерв» в конце гроссбуха, задумчиво постучал пером по чистому листу и вывел первую строчку:

Вакансия: Бригадир проходческого забоя (каркас усиленный, до 4-х рабочих конечностей).

Требования: Отсутствие вредных привычек, отсутствие биологических потребностей, стрессоустойчивость 100%.

Оплата: Бесперебойное снабжение маной, ежемесячная смазка шарниров.

— Рынок труда в этом городе определенно нуждается в структурных реформах, — с легкой улыбкой произнес Артём, погружаясь в расчеты под аккомпанемент мерного, нестареющего стука кирок за стеной.

Глава 5. Глава 5

Чернила на последней странице гроссбуха подсыхали медленно, впитываясь в плотную, серую бумагу местного кустарного производства. В сыром подземном воздухе четвертого штрека вообще все происходило медленно — кроме износа оборудования и начисления скрытых издержек.

Артём Скворцов отложил гусиное перо, осторожно расправил затекшие плечи и посмотрел вниз, с высоты своего деревянного помоста.

В забое царила идеальная, математически выверенная гармония.

Тук. Тук. Тук.

Юнит №01 методично вгонял стальное жало кайла в прожилок халькопирита. Угол атаки — ровно сорок пять градусов. Амплитуда замаха — восемьдесят сантиметров. Никаких лишних взмахов для демонстрации молодецкой удалости, никакого падения темпа к концу четвертого часа непрерывной долбежки.

Чуть левее Юнит №02, чью поврежденную тесаком наемника ключицу Артём полчаса назад лично зашпаклевал свежей реставрационной мазью, мерно сгребал отбитую породу широкой совковой лопатой. Никаких перекуров, чтобы сплунуть на гранит и обсудить с товарищем вчерашнюю выпивку в кабаке. Никаких жалоб на то, что каменная пыль

скрипит на зубах — зубы у номера второго, конечно, присутствовали, но десен, нервов и слюнных желез к ним не прилагалось.

У самого входа в штрек Юнит №03 сортировал руду. Крупные куски темного халькопирита с маслянистым золотистым отливом отправлялись в правый плетеный короб, пустая порода с вкраплениями кварца — в левый, на закладку выработанного пространства.

Артём взглянул на системный таймер в левом верхнем углу поля зрения.

`[Время непрерывного производственного цикла: 06 часов 42 минуты]`

`[Энергетический баланс управляющего контура: 84/100 МР]`

`[Текущий суммарный дебит забоя: 1 820 кг рудной массы]`

`[Содержание меди в концентрате: 14.2% (расчетное)]`

`[Простои по вине персонала: 0,00%]`

`[Коэффициент использования рабочего времени (КИРВ): 1.0]`

Показатели, от которых у любого начальника цеха на Земле случился бы благоговейный инфаркт. Ни один живой проходчик, даже накачанный ударными дозами стимуляторов и обещаниями квартальных премий, не был способен выдать КИРВ выше 0.75 — людям физиологически требовалось отходить до ветра, вытряхивать каменную крошку из сапог, че-

сать затылок и переругиваться с бригадиром.

Однако за внешней производственной идиллией в бухгалтерских балансах Скворцова уже наливалась багровым цветом критическая уязвимость.

«Бутылочное горлышко сбыта», — холодно зафиксировал Артём, постукивая костяшками пальцев по краю дубовой конторки.

Почти две тонны отборной медной руды лежали аккуратными штабелями вдоль опорных крепей. Это был солидный оборотный капитал. Но капитал, запертый в сырой штольне на глубине сорока метров, с точки зрения финансового анализа равен нулю. Хуже того — он генерирует отрицательную стоимость, загромождавая рабочее пространство и сковывая логистику внутри забоя.

Решение, которое он применил ночью к наемникам Бранту и Радеку, носило сугубо тактический характер. Да, он перевербовал лазутчиков, превратив враждебный элемент в канал поставок серы, костяной муки и расходников. Да, они вынесут в заплечных мешках пару центнеров отборного концентрата. Но серый рынок сбыта имеет жесткий потолок емкости. Скупщики краденого брали сырье с дисконтом в сорок, а то и пятьдесят процентов от биржевой цены Окхейвена. Сдавать промышленный объем высокосортного халькопирита через бандитские притоны с такой маргинальной скидкой — это не бизнес. Это финансовое преступление против собственной компании.

Более того, появление на черном рынке крупных партий черной меди неизбежно привлечет внимание службы безопасности Синдиката Рудознатцев или ищеек местного лендлорда, барона фон дер Вальде. А работа без лицензии в этих краях каралась просто и без затей: конфискация имущества, клеймо на щеку и бессрочная каторга на урановых — вернее, здесь они назывались «лучезарными» — каменноломнях.

Чтобы масштабировать производство, требовался легальный статус. Нужен был официальный патент на разработку недр и регистрация торгового дома.

— Пора выходить в правовое поле, — тихо произнес Артём, закрываяgrossбух на железный замочек. — Посмотрим, насколько местная бюрократия готова к встрече с практиками регуляторного комплаенса.

Подъем на поверхность занял четверть часа.

Оставив забой на жестких протоколах консервации — при появлении чужаков скелеты должны были мгновенно повалиться на пол и притвориться безымянными истлевшими останками шахтеров прошлого века, — Скворцов выбрался через замаскированный лаз старого вентиляционного шурфа.

Над отрогами Железного хребта вставало блеклое, словно разбавленное известковым молоком солнце. Горный городок Окхейвен встречал утро так, как встречал его послед-

ние двести лет: натужным кашлем тысяч прокуренных легких, грохотом паровых дробилок на обогатительных фабриках Синдиката и едким, желтоватым дымом, стелющимся из плавильных печей Нижнего Яруса.

Артём быстро привел себя в порядок у горного ручья. Смыл серую гранитную пыль с лица, почистил жесткой волосяной щеткой темно-серый шерстяной суртук — единственное приличное имущество, доставшееся ему при инициации в этом мире, — аккуратно поправил крахмальный воротничок и затянул шнурки на добротных кожаных штиблетах. Под мышку лег тяжелый кожаный бювар с чистыми гербовыми листами, чернильницей-непроливайкой и набором стальных перьев.

Внешний вид предпринимателя при взаимодействии с государственными и квазигосударственными регуляторами — это пятьдесят процентов успеха переговоров. В глазах чиновника ты должен выглядеть достаточно респектабельно, чтобы с тобой не смели разговаривать как с бродягой, но при этом достаточно скромно, чтобы у проверяющего не возникло соблазна умножить базовую ставку побора на три.

Спускаясь по каменистой тропе к городской заставе, Артём внимательно сканировал взглядом шахтерские предметы.

Картина производственных процессов вызвала у него глубокую профессиональную боль.

Вот десяток живых забойщиков из вольной артели, поша-

тываясь от похмелья, тащили тяжелую ручную телегу вверх по склону. Двое надсадно кашляли, один хромал, припадая на перебинтованную грязной тряпкой ногу. Возле трактира «Сломанное кайло» трое рабочих уже сцепились в яростной драке за остатки вчерашнего жалования, а толстый десятник хлестал их сыромятным бичом, пытаясь загнать в клеть подъемника.

— Колоссальные, чудовищные транзакционные издержки, — пробормотал Артём, покачивая головой. — Прямые потери от производственного травматизма — не менее пятнадцати процентов. Абсентеизм — до двадцати. Плюс затраты на медицинское освидетельствование, питание, обогрев казарм, неизбежные стачки и выплаты пособий увечным... Дикий, неоптимизированный феодализм. Они сидят на золотой жиле и топят ее в собственной неэффективности.

Миновав внешние ворота — стражники на въезде лениво мазнули взглядом по его строгому сюртуку и кожаной папке, приняв за мелкого стряпчего из суда, — Скворцов направился напрямик на Верхнюю площадь, где высилась мрачная громада Городской Ратуши.

Здание Горной Палаты и Магистрата Окхейвена напоминало каменный бастион, возведенный исключительно для того, чтобы подавлять волю любого входящего. Массивные гранитные колонны, узкие стрельчатые окна, тяжелые дубовые двери, окованные полосовым железом. Внутри стоял стойкий, въевшийся в камень дух застарелого чиновничьего

быта: запах прогорклого лампового масла, пыльных архивных дел, сургуча, дешевого нюхательного табака и неистребимой плесени.

В коридорах толпились просители. В основном это были мелкие арендаторы, старатели и торговцы рудой — серые, осунувшиеся лица, мятые челобитные в заскорузлых пальцах, бегающие заискивающие глаза. Все они покорно ждали, когда канцелярские писцы соизволят обратить на них внимание, пропуская вперед жирных приказчиков крупных рудных синдикатов, скользивших в кабинеты без очереди с увесистыми бархатными кошельками на поясах.

Артём не стал занимать общую очередь бедолаг.

Уверенным, четким шагом топ-менеджера, направляющегося на заседание совета директоров проблемного актива, он прошел по центральному нефу, толкнул массивную дверь с медной табличкой «Канцелярия учета горных отводов, концессий и гильдейского надзора» и переступил порог.

За высоким конторским столом, заваленным пожелтевшими свитками и приходными книгами, сидел господин Годфри Ворч — старший регистратор Горной Палаты Окхейвена. Это был грузный мужчина неопределенных лет с тройным подбородком, покоящимся на засаленном кружевном жабо, и маленькими, водянистыми глазками матерого взяточника. В левой руке чиновник держал надкушенный пирог с ливером, а правой лениво выводил закорючки на гербовой бумаге.

При виде Скворцова регистратор даже не поднял головы, методично прожевывая кусок и роняя крошки на учетную книгу.

— Не принимаю, — сипло бросил Ворч, не глядя на вошедшего. — Прием вольных старателей по четвергам, с третьего удара колокола до полудня. Пошлины за рассмотрение челобитных выросли на два алтына. Дверь с той стороны закройте.

— Доброе утро, господин регистратор, — ровным, поставленным голосом произнес Артём, подходя к барьеру и с сухим стуком опуская на полированную доску свой бювар. — Я прибыл не за милостыней и не с челобитной. Я прибыл для государственной регистрации нового хозяйствующего субъекта в сфере недропользования и оптовой торговли полиметаллическими рудами.

Ворч поперхнулся пирогом. Маленькие свиные глазки изумленно округлились, скользнули по начищенным пуговицам сюртука Артёма, зацепились за идеально ровный узел шейного платка и остановились на холодном, абсолютно уверенном взгляде гостя. В этом взгляде не было привычного раболепия просителя. Там читалась ледяная скука аудитора, пришедшего на внеплановую проверку филиала в глубокой провинции.

Регистратор с трудом проглотил кусок, вытер жирные пальцы о край суконной скатерти и шумно высморкался в клетчатый платок.

— Какого еще... субъекта? — недоверчиво хмыкнул он, откидываясь на спинку высокого резного кресла. — Ты чей будешь, парень? От графа Розенберга поверенный? Или Синдикат «Южные Копи» решил новый прииск оформить через подставное лицо?

— Я действую исключительно от собственного имени и в интересах учреждаемого предприятия, — невозмутимо ответил Артём, раскрывая бювар и извлекая лист плотной бумаги с четко расчерченными графами. — Скворцов Артём, квалифицированный горный управляющий. Намерен оформить концессионный патент первой категории на разработку заброшенного шурфа номер семь в секторе «Черный Клык», включая право выкупа отвалов и геологоразведку прилегающих горизонтов.

Ворч моргнул раз, другой, а затем его круглое лицо расплылось в широкой, маслянистой ухмылке. Он даже отложил остатки пирога, предвкушая легкую и жирную добычу.

Перед ним был типичный чужак. Судя по выговору и повадкам — столичный недоучка, начитавшийся умных книжек в Академии и возомнивший, будто в Окхейвене можно вот так просто прийти с улицы и начать копать руду.

— Шурф номер семь, говоришь? — сладко протянул регистратор, потирая пухлые ладони. — Старая выработка Бруннера... Помню, помню. Жила там тощая, медь черная, кровью да потом умытая. Ну что ж, закон Империи благоволит предприимчивым мужам. Мы можем оформить патент.

Прямо сейчас. Бумаги подмахнем, печать приложим... Только вот потянешь ли ты бремя, господин хороший?

Ворч вытащил из-под стола длинный, исписанный мелким убористым почерком свиток — прейскурант обязательных сборов и нормативов Горной Гильдии.

— Давайте ознакомимся с калькуляцией начальных затрат, — сухо кивнул Артём, доставая перо. — Озвучьте базовую структуру регуляторных платежей.

— Изволь, изволь, — осклабился чиновник, ткнув толстым пальцем с траурной каймой под ногтем в первую строчку. — Во-первых: базовая пошлина в казну Магистрата за отвод участка — пять серебряных монет. Это законные копейки, казне на поддержание мостовых.

— Приемлемо. Далее.

— Во-вторых, — голос Ворча приобрел менторские, давящие интонации, — город Окхейвен стоит на соглашении сословий. Ни один рудник не имеет права работать без аккредитации в Высокой Гильдии Горняков и Литейщиков. А это означает обязательный взнос в Гильдейскую кассу взаимопомощи — двенадцать серебряных монет ежемесячно.

Артём сделал пометку на полях: *«Навязывание картельного членства. Проверить антимонопольные изъятия»*.

— В-третьих, — продолжал упиваться властью регистратор, — страхование ответственности перед общиной. Рудник — дело опасное. Завалы, взрывы рудничного газа, увечья. Ты обязан внести залог в Фонд Попечения Вдов и Си-

рот Горняцких — двадцать серебряных монет единовременно. Если забойщика придавит гранитной плитой, похороны и пенсия семье оплачиваются из этого залога.

— Логично для предприятий с высоким уровнем травматизма на биологическом субстрате, — бросил Скворцов, даже бровью не поведя. — Что еще?

— О, самое главное, господин предприниматель! — Ворч придвинулся ближе, обдав Артёма запахом чеснока и лежащего пива. — Охрана труда и санитарный надзор. Согласно Городскому Уставу от прошлого года, утвержденному Советом Мастеров, минимальная ставка оплаты труда забойщика в забое не может быть ниже восьми медных грошей за десятичасовую смену. Плюс обязательный полуденный роздых не менее одной склянки, выдача полуфунта вареного сала и кружки кислого пива на работника в день для поддержания сил, а также наем сертифицированного десятника из членов Гильдии для контроля техники безопасности. Плата инспекции за ежемесячный аудит забоя — пятнадцать серебряных монет.

Чиновник с грохотом шлепнул ладонью по столу, откинулся назад и победоносно уставился на Артёма.

— Итого, милейший: пятьдесят две серебряные монеты чистыми прямо сейчас на стол в качестве обеспечительного депозита, плюс утвержденная ведомость на жалованье артели минимум из десяти вольных забойщиков. Нет артели — нет концессии. А если денег таких у тебя нет... — Ворч по-

низил голос до вкрадчивого шепота, — то Банкирский Дом братьев Гольдшмидт с радостью выдаст тебе ссуду. Всего под сорок пять процентов годовых. Под залог рудника, твоего имущества и личной кабальной записи на пять лет вперед. Подписывать будем?

Это была классическая, отточенная веками схема картельного удушения.

Гильдия и городская администрация выстроили непреодолимый регуляторный барьер для входа на рынок. Любой независимый предприниматель либо разорился на этапе соблюдения безумных норм и поборов, либо влезал в пожизненную долговую кабалу к ростовщикам, фактически работая за миску похлебки на картель. Охрана труда здесь служила не защите рабочих, а инструментом уничтожения конкуренции.

Артём медленно положил перо, соединил кончики пальцев перед собой и посмотрел на регистратора долгим, кристально чистым взглядом.

— Господин Ворч. Скажите, вы когда-нибудь читали документ, на основании которого функционирует сама Горная Палата?

Регистратор нахмурился, чувствуя, как уверенность начинает необъяснимо утекать сквозь пальцы:

— Я тридцать лет здесь сижу! Я устав знаю как свои пять пальцев! Устав Окхейвена гласит...

— Устав Окхейвена, — холодно перебил Артём, повысив

голос ровно настолько, чтобы он звенел подобно закаленной стали, — является актом местного муниципального самоуправления третьего порядка. Согласно второй статье Имперской Грамоты о Привилегиях Коронных Земель, ни одно постановление магистрата или ремесленного цеха не может противоречить нормам прямого действия Великого Уложения о Недрах, Ремеслах и Движимом Инвентаре Третьей Эпохи.

Ворч опешил. Словосочетание «нормы прямого действия» ударило по его слуху, как удар обухом.

— Чего?.. Какое еще Уложение?..

— Достаньте с нижней полки архива второй том Кодекса Императора Юстиниана Четвертого, — отчеканил Скворцов, указав пальцем на пыльный, затянутый паутиной шкаф за спиной чиновника. — Тот самый, в переплете из свиной кожи с медными накладками. И позовите архивариуса, если ваши колени слишком слабы, чтобы дотянуться до первоисточников права.

В канцелярии повисла мертвая тишина. Сидевшие у дверей писцы замерли, перестав скрипеть перьями. Никто и никогда за последние полвека не требовал доставать имперские кодексы. Все споры здесь решались либо звоном серебра, либо дубинками гильдейской стражи.

Ворч, побагровев от гнева и смутной тревоги, рявкнул в сторону боковой каморки:

— Мальчишка! Йоганн, бездельник, живо лезь на антре-

соли! Тащи сюда второй том Уложения! Быстро!

Через пять минут тщедушный паренек-послушник с на-
тужным пыhtением водрузил на стол колоссальный фоли-
ант толщиной в два вершка. От книги пахнуло вековой пы-
лью, сушеными травами от моли и первобытной бюрократи-
ческой мощью распавшейся, но юридически все еще леги-
тимной Империи.

Артём подошел к столу, одним движением смахнул пыль
с медных застежек и откинул тяжелую кожаную крышку.

Его пальцы уверенно листали плотные пергаментные
страницы. В земной жизни Скворцов провел сотни часов за
выискиванием налоговых лазеек в многотомных сводах за-
конов об офшорах, трансфертном ценообразовании и опти-
мизации фонда оплаты труда. Для профессионального стар-
шего аудитора средневековый имперский кодекс был не свя-
щенным писанием, а набором алгоритмов, полных систем-
ных дыр и логических несоответствий.

— Раздел четвертый, — негромко произнес Артём, сколь-
зя пальцем по убористым готическим строкам на высоком
имперском наречии. — «О лицах, к труду горному и ману-
фактурному привлекаемых». Читаем определение: *«Наем-
ным работником, цеховой защите подлежащим, признается
лицо одушевленное, дышащее, присягнувшее сюзерену или
свободное в продаже телесных сил своих, вкушающее хлеб
насущенный и требующее упокоения ночного ради сохранения
искры жизни»*.

Артём поднял глаза на Ворча:

— Лицо одушевленное. Дышащее. Вкушающее хлеб. Зафиксировали?

Регистратор сглотнул, не понимая, куда клонит этот сумасшедший законник:

— Ну... зафиксировали. Все люди хлеб едят. И дышат. Дальше-то что?

— А дальше мы открываем Раздел восьмой, — Артём перевернул пару сотен страниц с глухим шелестом сухого пергамента. — «Об орудиях механических, конструктах и движимом инвентаре». Статья девятнадцатая, пункт третий. Извольте читать вслух, господин регистратор. Вот отсюда, со слов со знака короны.

Ворч близоруко прищурился, ткнул носом в пожелтевшую страницу и с запинкой начал читать вслух:

— *«...Равно как и повозки самоходные, ворота подъемные, насосы водяные, големы из глины али железа сотворенные, а равно... а равно остовы костяные и бранные останки, лишенные разума и души, поднятые силою магического искусства на службу горную... почитаются в праве инвентарем движимым категории «Б» (орудия труда долговременного пользования)...»*

Голос чиновника дрогнул и стал оседать.

— Продолжайте, господин Ворч, не останавливайтесь, — ласково подбодрил Артём. — Там самое интересное в примечании.

— *«...К означенному инвентарю движимому категории «Б», ввиду отсутствия в оном душевного естества и плотских потребностей, неприменимы установления о роздыхе седмичном, о хлебном довольствии, о постоях, а равно сборы гильдейские на призрение вдов и сирот, поелику упомянутый инвентарь вдов не производит, чрева голодного не имеет и по кончине своей вторично умереть не способен. Налог на эксплуатацию оного исчисляется исключительно по ставке амортизационного сбора с неодушевленного имущества»*.

Ворч замолчал. В просторной канцелярии стало слышно, как в углу под потолком отчаянно жужжит залетевшая в паутину жирная муха.

Писцы за своими столами вытянули шеи, с благоговейным ужасом глядя то на старинную книгу, то на стоявшего перед столом молодого человека с непроницаемым лицом.

Артём аккуратно прикрыл фолиант, положил ладонь на тисненую кожу и заговорил спокойным, размеренным голосом судебного обвинителя:

— Итак, господин регистратор, перейдем к фактам и юридической квалификации. На учреждаемом мной предприятии списочная численность наемного персонала составляет ровно одну штатную единицу. Это я — Скворцов Артём, генеральный директор, главный инженер и единоличный учредитель. Я не нанимаю вольных забойщиков. Я не использую труд живых людей. Мои производственные мощности уком-

плектованы исключительно самоходным инвентарем категории «Б» с шарнирным сочленением из известкового композита. Проще говоря — скелетами.

Скворцов сделал паузу, позволяя смыслу сказанного проникнуть в глубины бюрократического сознания чиновника.

— Из чего неопровержимо следует:

Первое. Требование об обязательном взносе в Фонд Вдов и Сирот незаконно, так как мой инвентарь не оставляет после поломки вдов и сирот.

Второе. Требование о соблюдении восьмичасового рабочего дня и полуденного роздыха неприменимо к оборудованию, не обладающему мышечной усталостью.

Третье. Требование о выдаче сала и кислого пива абсурдно, так как смазка суставов инвентаря производится специализированными минеральными составами без участия пищеварительного тракта.

Четвертое. Требование о членстве в Гильдии Горняков является превышением полномочий, поскольку Гильдия объединяет ремесленников-людей, а не механические лопаты и самоходные каркасы.

Артём положил поверх Кодекса три новенькие, блестящие серебряные монеты, которые накануне вытряхнул из кошельков поверженных лазутчиков Бранта и Радека:

— Здесь ровно три серебряных шекеля. Государственная пошлина за регистрацию Индивидуального Предприятия по упрощенной форме для лиц свободных профессий, эксплу-

атирующих собственный инвентарь. Я требую выдать мне Свидетельство о концессии на шурф номер семь и Регистрационный патент на право оптовой торговли минеральным сырьем.

Лицо Ворча переливалось всеми оттенками лилового. Жир на его щеках мелко подрагивал. Он хватал ртом воздух, как выброшенный на отмель карп.

— Это... это богохульство! — наконец выдавил он сиплым фальцетом. — Некромантия! Чернокнижие в черте вольного города! Стража! Я сейчас кликну городскую стражу, инквизиторский трибунал!..

— Кликните, — спокойно согласился Артём, даже не шелохнувшись. — Будьте так любезны. Пригласите сюда капитана стражи и главу трибунала. И мы прямо при них составим протокол об отказе должностного лица следовать прямым нормам Имперского Кодекса. А заодно я инициирую внеплановую проверку расходования средств Фонда Горняцких Вдов. Насколько мне известно из финансового отчета Магистрата за прошлый квартал, господин Ворч, поступления в фонд составили четыреста золотых, а выплачено пособий — ровно на сорок два. Куда делась дельта в триста пятьдесят восемь золотых монет? Уж не на покупку ли вашей новой загородной усадьбы в Виноградской долине она пошла?

Это был чистый блеф. Артём не видел никаких отчетов за прошлый квартал — он в этом мире находился от силы пару суток. Но три года работы в отделе судебно-бухгалтерской

экспертизы приучили его к железному правилу: если в провинциальном учреждении существует внебюджетный фонд социальной помощи, его распорядитель крадет оттуда минимум восемьдесят процентов поступлений. Всегда. В любом мире, при любом государственном строе.

Удар пришелся точно под дых.

Ворч мгновенно побледнел. Его маленькие глазки заматались по сторонам, пот градом покатился по тройному подбородку, заливая кружева.

— Вы... откуда... — пролепетал он, судорожно вцепившись пальцами в край стола. — Постойте... Зачем же сразу трибунал? Зачем крайности, почтенный господин Скворцов?.. Мы же деловые люди. Мы же понимаем... буква закона, государственная польза...

— Именно. Государственная польза, — отрезал Артём. — Регистрация. Сейчас.

В тишине кабинета слышалось лихорадочное шуршание чистой гербовой бумаги. Регистратор дрожащими руками макал перо в чернильницу, то и дело ставя жирные кляксы и стирая их песком. Он заполнял формуляры с такой скоростью, словно за его спиной стоял сам архидемон с долгой распиской.

— Название... как запишем название артели? — заискивающе пискнул Ворч, промокая свежую строчку.

Артём на секунду задумался.

Форма должна отражать содержание, но не привлекать из-

лишнего внимания религиозных фанатиков раньше времени.

— Записывайте: «Частное Предприятие Скворцов: Промышленная Механизация и Некрономика». Форма собственности — предприятие с ограниченной ответственностью и единоличным капиталом. Статус задействованной тягловой и механической силы: «Самоходный инвентарь категории Б, функционирующий на автономных энергоисточниках замкнутого цикла».

Перо чиновника скрипнуло в последний раз.

Ворч достал из тяжелого железного ларца массивную бронзовую печать Магистрата, густо намазал ее темно-синей мастикой и со всего размаха, вкладывая весь свой страх и бессильную злобу, припечатал к нижнему краю пергамента.

ШЛЕП.

Тотчас воздух перед глазами Артёма сгустился. Пространство дрогнуло, развернув перед ним ослепительное каскадное полотно системных сообщений, переливающихся золотом и густым фиолетовым светом.

`[Внимание! Зафиксирован прецедент институционального взаимодействия!]

`[Преодолено бюрократическое сопротивление регулятора ранга «Городской чиновник» без применения физического насилия и коррупционных механизмов!]

`[Использован скрытый модификатор: «Юридическая брешь в архаичном законодательстве»]

ВНИМАНИЕ: СОЗДАНА НОВАЯ СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ!

Наименование: ЧП «Скворцов: Промышленная Некрономика» (Холдинг «НекроПром»)

Юридический статус: Легальный экономический субъект (Лицензия Магистрата Окхейвена № 00482-K)

Форма собственности: Частное унитарное предприятие

Отраслевая принадлежность: Горная добыча, первичная металлургия, тяжелое машиностроение

Штатная численность персонала (живые): 1 чел. (Скворцов А. — Генеральный Директор / Владелец 100% долей)

Учетный производственный инвентарь: 3 ед. («Скелет-забойщик базовый»)

Текущий фонд оплаты труда (ФОТ): 0 медных монет/мес.

Налоговый режим: Упрощенный патентный (фиксированная ставка — 3 серебряных монеты/год)

[Внимание: Открыта новая системная ветвь!]

[Разблокировано: «Древо корпоративного и технологического развития холдинга»]

[Доступные разделы древа: «Оптимизация труда (Тейлоризм/Канбан)», «Вертикальная интеграция сырья», «Костяное машиностроение», «Трансграничный арбитраж»]

[Получен уникальный классовый навык!]

`Навык: [Правовая казуистика (Ранг E)] (Пассивный)`

`Описание: Вы смотрите на своды законов чужих миров глазами судебного аудитора высшей лиги. Любые регуляторные, лицензионные и налоговые поборы со стороны местных властей снижаются на 30%, если вы способны обосновать свою позицию ссылками на устаревшие или противоречащие друг другу прецеденты.`

`Дополнительный эффект: Сопротивление чиновников среднего звена вашим требованиям снижается на 25%. Вероятность успешного прохождения внеплановых ревизий повышается на 40%.`

`[Получен системный титул: «Законный Эксплуататор (Ранг F)»]`

`Эффект титула: Износ несущих конструкций неживого персонала при непрерывной работе в экстремальных условиях снижается на 5%. Моральные терзания владельца бизнеса по поводу отсутствия выходных у подчиненных блокируются Системой на 100%.`

`[Текущий уровень класса [Архитектор Некрономики] повышен: 3 -> 4!]

`Получено: +2 к Интеллекту, +3 к Ментальной Выносливости, +50 к максимальному запасу Маны.`

`Текущие характеристики:`

`Интеллект: 18`

`Ментальная выносливость: 16`

`Сила: 9`

Ловкость: 10`

Запас Маны: 210/210`

Резерв управляемых единиц нежити: 3/5`

Артём медленно выдохнул, чувствуя, как по телу прокатилась волна прохладной, бодрящей энергии от повышения уровня. Усталость бессонной ночи отступила, в голове прояснилось, а системный пул доступных для призыва костяков увеличился до пяти единиц. Лимит расширился на шестьдесят шесть процентов!

Ворч тем временем двумя пальцами, словно ядовитую гадюку, пододвинул через барьер плотный лист пергамента с золотистым гербом города и синей печатью.

— Вот... ваше свидетельство, господин Скворцов, — выдал он, глядя куда-то в сторону пуговиц на сюртуке Артёма. — Патент на шурф номер семь. Оптовый торговый лист на металлы. Все внесено в реестр. Можете добывать. Можете продавать. Ни Гильдия, ни стража к вам претензий не имеют, покуда закон не нарушен.

— Благодарю за конструктивное сотрудничество, господин Ворч, — с безукоризненной вежливостью ответил Артём, аккуратно забирая документ и укладывая его в бювар между чистыми листами. — Рекомендую в следующем квартале все же навести порядок в статьях движения денежных средств Фонда Вдов. Аудиторские проверки — вещь внезапная. Доброго вам дня.

Он развернулся на каблуках и твердым шагом покинул

канцелярию. Дверь за его спиной захлопнулась, оставив регистратора в холодном поту наедине с недоеденным пирогом и открытым томом векового имперского права.

На Верхней площади солнце уже палило вовсю.

Выйдя из тени Ратуши, Артём на мгновение остановился, глубоко вдохнул едкий, пахнувший серой и углем воздух Окхейвена и достал из кармана тяжелый бронзовый жетон концессионера, выданный вместе с патентом. Жетон приятно охлаждал ладонь.

Теперь правила игры кардинально изменились.

Он больше не был безродным некромантом-нелегалом, прячущимся по заброшенным дырам и рискующим в любой момент получить арбалетный болт в спину от гильдейских патрулей. Он стал официальным участником рынка. Субъектом хозяйственной деятельности. Предприятием, защищенным высшим имперским иммунитетом.

Теперь руду можно было вывозить не по ночам в мешках под полой, а средь бела дня — на тяжелых наемных подводах, с официально выписанными накладными, сдавая концентрат напрямую на плавильные заводы Синдиката по полной биржевой стоимости, без бандитских дисконтов.

Но для этого требовалось решить следующую фундаментальную производственную проблему.

«Узкое горлышко мощности», — мысленно сформулировал Артём, спускаясь по Торговой улице в сторону ремес-

ленных рядов.

Три скелета в забое работали идеально, но жила халькопирита расширялась. Руды становилось больше, чем они успевали дробить и поднимать на-гора. Юнит №01 колол породу, Юнит №02 греб, Юнит №03 сортировал. Если он сейчас просто поднимет еще двух забойщиков — благо лимит вырос до пяти единиц, — забой мгновенно захлебнется в собственной логистике. Штрек завалит неоткатанной породой, тележек не хватит, сортировка встанет, а сам Артём превратится в погонщика, разрывающегося между примитивным ручным управлением и бухгалтерскими расчетами.

Нужна была производственная система. Нужна была жесткая управленческая иерархия и четкое разделение операционных функций.

«Мне не просто нужны рабочие руки, — размышлял Скворцов, заходя под навес скобяной лавки мастера-кузнеца. — Мне нужен менеджмент среднего звена. Бригадир. Автономный управляющий контур, способный координировать звенья без моего ежеминутного вмешательства».

В лавке Артём быстро и деловито потратил остатки наличности, вырученной за счет ночной ликвидации угрозы наемников.

Он не стал покупать готовые инструменты — переплачивать за чужую работу претило его экономической натуре. Вместо этого он приобрел:

— Десять фунтов высокоуглеродистой инструментальной

стали в полосах (на перековку и усиление ударных частей кирок);

— Два мотка толстой отоженной проволоки из легированного медью железа (для армирования суставных сумок и позвоночных столбов будущих рабочих);

— Глиняный кувшин с очищенным горным дегтем и минеральным маслом для снижения трения в костных сочленениях;

— Пять кусков белого строительного мела и банку фосфоресцирующей шахтной краски из светящихся грибных спор;

— И, самое главное, две тяжелые кованые тачки на кованых колесах с железными втулками.

Наняв за три медных гроша полупьяного возницу с чахоточной кобылой, Артём загрузил покупки и отправил телегу окольной дорогой к подножию старого отвала у шурфа номер семь. Сам же отправился следом пешком, сокращая путь через заброшенное шахтерское кладбище на северном склоне.

Кладбище «Черемуховый Лог» давно заросло бурьяном и колючим горным терновником. Здесь уже лет сорок никого не хоронили — с тех самых пор, как чума и гигантский обвал на нижних горизонтах старых копей похоронили заживо целую смену проходческой артели карлика-рудознатца Торина.

Артём перешагнул через покосившийся замшелый могильный камень, остановился посреди заброшенного погоста и прикрыл глаза, активируя магическое зрение класса.

Подземное пространство вспыхнуло серыми, синими и тускло-зелеными контурами.

Сквозь пласты глины и сланца просвечивали сотни скелетных останков. Большинство из них были хрупкими, истлевшими, источенными сыростью и временем — непригодными для высоких механических нагрузок. Дешевый, низкосортный материал, годный разве что на вспомогательные работы или перемолку в кальциевую муку.

Но в самом центре могильника, под тяжелой гранитной плитой с полустертым знаком гильдии проходчиков, пульсировал плотный, темно-серый сгусток застарелой, слежавшейся некротической энергии.

Артём подошел к плите, стряхнул сухую траву и прочитал выбитую в камне надпись:

«Здесь лежит мастер-десятник Густав Брекка по прозвищу Четырехрукий. Лучший проходчик Железного Пояса. Работал без усталости, завалил три штольни, упокоился под четвертой. Да не дрогнет гранит над его костями».

— «Четырехрукий», говоришь? — Артём позволил себе едва заметную, хищную улыбку истинного рекрутера, нашедшего идеальное резюме редкого специалиста на мертвом рынке труда. — Не дрогнет, мастер Густав. Мы обеспечим граниту надлежащую динамическую нагрузку.

Скворцов положил ладонь на холодную гранитную плиту. Запас маны: 210 единиц. Новые лимиты после взятия четвертого уровня требовали не просто количественного подь-

ема мертвецов, а качественной сборки. Инженерии.

В памяти Артёма всплыли строки, которые он набросал ночью в разделе «Кадровый резерв»:

Вакансия: Бригадир проходческого забоя (каркас усиленный, до 4-х рабочих конечностей).

Требования: Опыт руководства подземными выработками, знание сопромата пород, стрессоустойчивость 100%, полное отсутствие биологических потребностей.

Оплата: Бесперебойное снабжение маной высокой плотности, еженедельная профилактика суставов минеральным дегтем.

— Вы приняты на испытательный срок с трехмесячным грейдом, мастер Брекка, — негромко произнес Артём.

Мана в его жилах вскипела, подчиняясь формулам [Архитектора Некрономики]. Фиолетово-черные рунические жгуты сорвались с кончиков пальцев, вгрызаясь сквозь гранитную толщу прямо в глубину могилы, оплетая мощные, широкие кости легендарного забойщика, выстраивая заново разорванные сухожилия из концентрированной эктоплазмы и жестко интегрируя в будущую черепную коробку базовые протоколы корпоративной дисциплины.

Земля под ногами глухо загудела.

Гранитная плита с сухим треском сдвинулась на пару дюймов, и из-под векового дерна на поверхность вырвался первый клуб ледяного могильного пара.

Предприятие выходило на проектную мощность. Насту-

пало время внедрения бережливого производства.

Глава 6. Глава 6

Артём подошел к плите, стряхнул сухую траву и прочитал выбитую в камне надпись:

«Здесь лежит мастер-десятник Густав Брекка по прозвищу Четырехрукий. Лучший проходчик Железного Пояса. Работал без усталости, завалил три штольни, упокоился под четвертой. Да не дрогнет гранит над его костями».

— «Четырехрукий», говоришь? — Артём позволил себе едва заметную, хищную улыбку истинного рекрутера, нашедшего идеальное резюме редкого специалиста на мертвом рынке труда. — Не дрогнет, мастер Густав. Мы обеспечим граниту надлежащую динамическую нагрузку.

Скворцов положил ладонь на холодную гранитную плиту. Запас маны: 210 единиц. Новые лимиты после взятия четвертого уровня требовали не просто количественного подъема мертвецов, а качественной сборки. Инженерии.

В памяти Артёма всплыли строки, которые он набросал ночью в разделе «Кадровый резерв»:

Вакансия: Бригадир проходческого забоя (каркас усиленный, до 4-х рабочих конечностей).

Требования: Опыт руководства подземными выработками, знание сопромата пород, стрессоустойчивость 100%, полное отсутствие биологических потребностей.

Оплата: Бесперебойное снабжение маной высокой плот-

ности, еженедельная профилактика суставов минеральным дегтем.`

— Вы приняты на испытательный срок с трехмесячным грейдом, мастер Брекка, — негромко произнес Артём.

Мана в его жилах вскипела, подчиняясь формулам [Архитектора Некрономики]. Фиолетово-черные рунические жгуты сорвались с кончиков пальцев, вгрызаясь сквозь гранитную толщу прямо в глубину могилы, оплетая мощные, широкие кости легендарного забойщика, выстраивая заново разорванные сухожилия из концентрированной эктоплазмы и жестко интегрируя в будущую черепную коробку базовые протоколы корпоративной дисциплины.

Земля под ногами глухо загудела.

Гранитная плита с сухим треском сдвинулась на пару дюймов, и из-под векового дерна на поверхность вырвался первый клуб ледяного могильного пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.